

18+

Татяна Латукова

ТАЛИСМАН

Татьяна Латукова

Талисман. Волшебные вещи – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618010
ISBN 9785448329517

Аннотация

Роман-матрёшка Татьяны Латуковой – ироничное повествование от лица трёх неоднозначных персонажей. Любовь и война, политика и творчество, красота и жестокость сплетаются в мир, где волшебство зависит от веры в себя. Кто победит в противостоянии монарха и диктатора? Станет ли танец в чёрном роковым для плясуньи? Будет ли опричник счастлив со своей воскресшей возлюбленной? И что за секреты скрывает в своих гранях талисман тёмных сил?

Содержание

Герцог и колдунья.	5
Чародей и плясунья.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Талисман

Волшебные вещи – 1

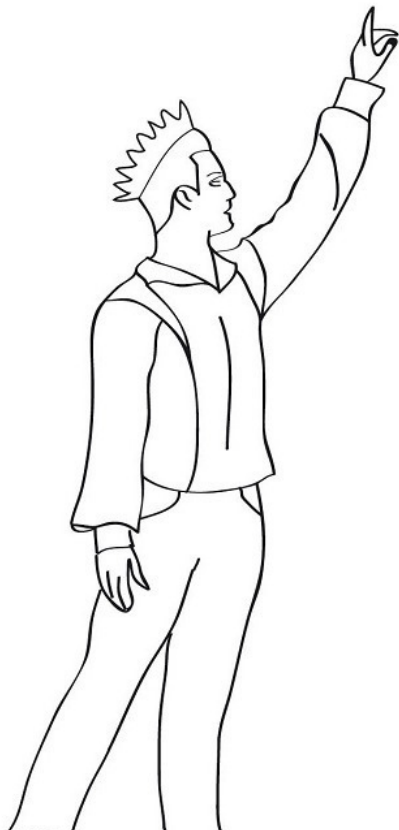
Татьяна Латукова

© Татьяна Латукова, 2018

ISBN 978-5-4483-2951-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герцог и колдунья. Версия барда

А сейчас, детки, я расскажу вам страшную историю.

Было это в одной далёкой волшебной стране. И правил той страной Герцог. Был у него дворец, украшенный золотыми шпильями, был у него древний кафедральный собор с цветными витражами, были у него разные чудеса и волшебные вещи. И жил Герцог счастливо и беззаботно, и были его подданные счастливы, и был мир.

Но случилось так, что завладел соседней страной могущественный маг и злой колдун Чёрный Чародей, и не стало спокойствия во владениях Герцога. Стали кружиться над страной чёрные птицы, стали пробегать по полям чёрные звери.

Обратился Герцог к правителям других королевств и царств с призывом напасть всем вместе на Чёрного Чародея – и победить злого мага. Но испугались короли и цари, забоялись могучей силы, которую скрывал волшебный талисман мага. Чёрный Чародей носил тот талисман на груди, и был это кристалл, вобравший в себя силу всей тёмной стороны мира. Не было волшебства, способного противостоять талисману, и отказались правители испытывать свою судьбу в неравной драке.

Начал Герцог один готовиться к войне. Каждый день Герцог оттачивал свое военное искусство на плацу за городом. Стрелял, метал копья, дрался на мечах со своими верными товарищами. Но однажды, возвращаясь с плаца во дворец, увидел Герцог, как на городской площади у фонтана танцу-

ет босиком простая девчонка. Было на ней ситцевое платье, а в коротких волосах одна цветная ленточка, но влюбился Герцог.

Многие знатные дамы, принцессы и королевны добивались внимания Герцога, но ни одна не тронула его сердце. Плясунья из бродячего цирка похитила спокойствие монарха взмахами тоненьких ручек и длинных ресниц. И пришел Герцог на представление на городскую площадь. И вышла в круг плясунья. И станцевала. Быстрый танец жизни, медленный танец томления и весёлый танец карнавала. И пришёл Герцог ночью в дырявую палатку плясуньи, и подарила она ему свою страсть и свои поцелуи. А утром цирк уехал.

Загрустил Герцог. Забыл про войну, про тренировки, про сражения. Потерял покой, сон и аппетит. Зачах, побледнел, ослаб. И приказал разыскать тот цирк, вернуть плясунью в город. Исполнили верные слуги приказ господина. Привезли к нему плясунью. И обрадовалась она ему, и бросилась целовать его. И поселилась она в его дворце.

Счастлив стал Герцог. Днем гулял он с любимой по красивым паркам и слушал пение птиц. Ночью обнимал точёный стан своей суженой и погружался в мир сладких грёз. И те, кто видели их, говорили, что красивее пары в мире не найти. Что нет в мире ничего ярче их сияющих глаз, крепче их страстных объятий и прекраснее их соединяющихся душ.

Но однажды в тёмном уголке замка Герцога подстерег коварный гном. И мерзким шепотом рассказал монарху ужас-

ную правду. Не наивную девчонку полюбил Герцог. Не цирковой плясунье позволил околдовать себя. Тёмная колдунья, ученица Чёрного Чародея по приказу своего повелителя прокралась в страну врага, чтобы запретной магией лишить Герцога воли и сил.

Заплакал Герцог, закричал. Пришел к любимой и спросил, правда ли это?

И призналась она. И упала к его ногам. И умоляла о прощении. И сказала, что полюбила его, а полюбив, отказалась от злых планов, отреклась от чёрной магии, отвергла злость и ненависть. Что в сердце её осталось лишь одно – любовь.

Отвел Герцог колдунью на суд. И судьи были неумолимы. Виновной сочли они ужасную обманщицу. Но дали они преступнице последний шанс – рассказать, как победить магический талисман Черного Чародея. Побледнела обманщица, заломила руки и сказала, что не знает этого секрета. Ни с кем злой маг не делился этой страшной тайной. Но не поверили ей судьи, ведь обманывала она их и раньше. Отвели плясунью в подземные казематы, и палачи провели её дорогой боли и унижений.

Герцог приказал трубить во все фанфары и объявить о триумфе. О победе над хитрым и нечестивым врагом. Но тоска сжигала его душу. Не было больше веселья, не было танцев, не было нежных признаний. Он потерял свою возлюбленную.

Призвал Герцог в свой замок тысячу лучших красавиц,

и каждая подарила ему страстную ночь, но ни одна не могла сравниться с той, что была любимой. Он пригласил тысячу девушек, что говорили о своем таланте к танцам, но в танцах этих живых куколок не было души. Он вызвал тысячу светлых фей, чтобы они развеяли его воспоминания о колдунье, но и добрая магия не смогла излечить раненое сердце Герцога.

Однажды ночью, терзаемый душевной мукой, Герцог спустился в темницу. На тонкой соломенной подстилке, в каменном мешке, он нашел тень своей любимой.

Принёс её Герцог в свои роскошные покои, расписанные золотыми цветами. Уложил в белоснежные шелковые простыни. Поставил перед ней самые изысканные яства мира. Заставил музыкантов играть самые весёлые мелодии. Но всё было напрасно. В пустом взгляде равнодушной ко всему пленницы не было жизни. Осталась лишь бесчувственная тень.

Герцог изгнал тень из своего замка, и она осталась сидеть у городского фонтана, там, где раньше танцевала. Люди жалели её. Дети приносили ей кусочки хлебushка, женщины накрывали шальями, мужчины между собой роптали о том, что их правитель слишком беспощаден. А музыканты и бродячие актеры, увидев тень той, что делила с ними кусок хлеба и тяготы путешествий, бросали к её ногам монетку и спешили уехать подальше.

Вернулся Герцог к государственным делам, к занятиям

на плацу. Но стали бояться правителя верные воины, стали обходить его стороной умные советники, стали избегать его взглядов красавицы на улицах города. Удлинились тени от тёмных туч над волшебной страной, загуляли холодные ветра над равнинами, спустились дикие звери с гор. Неуютно и голодно стало в некогда прекрасной стране.

Между тем одинокий путник спешил по паутине дорог, неся ужасную весть. Спутник и друг плясуньи Шут торопился известить своего господина о несчастье. И нашёл Чёрный Чародей у дверей своих покоев израненного путника. И услышал о суде над плясуньей. И узнал, что превратилась в тень девчонка, отказавшаяся стать его верной Чародейкой.

Закричал Чародей, заметался раненым зверем, а потом обернулся огромной чёрной птицей и полетел в страну Герцога. И не смогли воины Герцога остановить злого мага.

Накрыла чёрная тень площадь, и упал к ногам сидящей тени Чёрный Чародей. И обнял он её, и твердил ей о своей любви. Но сидела тень молча, не узнавая никого и ничего вокруг. И тогда вложил Черный Чародей свой заветный талисман в руки тени, и произнес могущественное заклинание. Только отреклась колдунья от чёрной магии, и не могла помочь ей злая сила тёмного кристалла. Лишь освободила от пут земной жизни. Растаяла тень, проплыло светлое облачко над городом, а потом исчезло. Упал в прозрачную воду фонтана талисман Чародея и ушёл на мелкое дно.

И встал Чёрный Чародей, и произнес ужасное проклятие.

Пришли на землю волшебной страны засухи и ураганы, морозы и землетрясения. Лопнули цветные стекла витражей, и рухнул кафедральный собор. Облетело золото со шпилей и пошатнулся древний замок. Исчезли чудеса и сгорели волшебные вещи. И стали подданные Герцога несчастны. И пришла война.

Взмахнул своим плащом Чёрный Чародей, обернулся гигантским орлом и улетел.

Подошел Герцог к фонтану и вытащил из воды талисман. Одел себе на шею.

И умер.

Злая сила кристалла забрала его душу. Только самые могущественные маги могут подчинять себе силу талисмана. Только великие чародеи способны удержать спрятанную в талисмане магию.

На том эта история и закончилась.

Так-то, детки. Не гоняйтесь за чужими талисманами.

И не влюбляйтесь в тех девчонок, что пляшут босиком на городских площадях. А если уж влюбились, любите их такими, какие они есть.

Чародей и плясунья.

Версия волшебницы

Дурацкие косички. Почему мы все должны быть как стадо одинаковых куриц? Все обязаны быть с косичками. Потому что – протокол. Потому что – важный день. Потому что нам необыкновенно, волшебным и фантастически повезло. К нам приедет тиран. Да-да, лично. Чёрный Чародей собственной персоной.

Я ничего не имею против тирана, и наша тирания, на мой скромный взгляд, очень даже ничего. Мне просто не с чем сравнивать. Я почти ничего, кроме нашего пансиона, в этой жизни не видела. Однако тиран, который пишет специальный кодекс насчет косичек, представляется мне всё же не слишком умным человеком. Какая ему разница, что у нас на голове?

Волосы у меня короткие, и с косичками у меня престранный и, надо признаться, довольно смешной вид.

Девчонки волнуются. Бродят неопределенные слухи о том, что тиран любит забирать самых красивых девушек в свой гарем. Вроде боятся. Но на самом деле втайне мечтают, что тиран выберет именно их. Если быть честной с собой (а я обычно стараюсь), то я тоже не против. Хотя и не понимаю, ну зачем тирану гарем?

Меня ставят во второй ряд и выдают особо строгое указа-

ние, чтобы я ничего такого. Да я вообще пайныка. Несколько часов мы ходим строго по линейке, и как послушное стадо заведённых куколок выполняем заранее записанную программу. Фу-у, вроде протоколы кончились. Небольшая переменка перед отчётным концертом. Девчонки рванули разминаясь, распеваться, растягиваться. А я не буду. Я все равно лучшая. Лучшая плясунья.

Ой! Охранник. И прямо передо мной. Высокий. В форме. Смеётся.

Ты дурак, да? Зачем меня так пугать?

Почему это я – хулиганка? Это наша директриса тебе сказала? Я не хулиганка, я в балете партию отсебятины станцевала. Ну совсем не по классической хореографии. Никто и не заметил, а она давай скандалить. Я – актриска? Как-то пренебрежительно ты сказал. Нет, я не актриска. Я – танцовщица. Конечно, есть разница. А ещё я волшебница. Я много книг прочитала и колдовать умею.

Смешливый какой. Что он на каждое мое слово вот так до ушей улыбается?

Йо-йо. Я дура. Что ему не улыбаться? Он же тиран! Вот эта штука, что у него на шее болтается, талисман тёмной силы и есть. Что это такое, я не очень в курсе, но полагается говорить об этой вещи, чуть понизив голос и с легким придыханием. Хотя на вид – стекляшка стекляшкой.

Ой, ма-моч-ки. Я же запомнила, что я там по кодексу должна сделать? Книксен? Поклон? Упасть ниц и цело-

вать пол?

Диктатор поцеловал мою руку и сказал, что я хорошенькая. Это уже можно считать приглашением в гарем или нужны ещё какие-то церемонии? С гаремом у меня может быть некоторая проблема. Всё то, что происходит в гареме, я знаю только в теории. Из книжек.

Танцовщице в этой стране не многое светит. У нас пять театров, из которых только два в столице. Театр имени тирана. И театр имени того самого генерала. Меня взяли во второй, и я за месяц разучила все то, что буду делать ещё много месяцев, прежде чем мне повезёт немного переместиться – поближе к публике. Репертуар, конечно, не фонтан, но какой уж есть. Те самые птички у озера, все в драме и белых перьях, и тот самый зубастый принц в стране карамельных изделий. Классика.

А вот тот самый великий балетмейстер из страны голубых зайчиков поставил для своей очередной любовницы очень красивое шоу вообще без намека на перья и зубы. Я смотрела тот фильм и мысленно представляю, какое классное шоу я смогла бы станцевать. Что-то про любовь. Но счастливое.

У меня есть маленькая квартирка, доставшаяся мне от мамы, и по меркам этого города я уже очень, очень успешная девушка. Но мне хочется чего-то большего.

Тиран снова обратил на меня внимание. Провалиться бы

ему вместе с креслом из императорской ложи в партер! И что привязался?! Припёрся на спектакль и потребовал, чтобы меня поставили в самый первый ряд и на самое видное место. Сказал, что вспомнил о своей протеже – протеже! – из пансиона. Чародей грёбанный!

Меня, разумеется, тут же непринужденно спросили, таскал ли он меня за волосы и заставлял ли ползти к нему на коленях. Я и не знала, что у Чародея мрачноватая слава не слишком деликатного кавалера. А потом меня чуть не спихнули со сцены из того самого первого ряда. Зачем нужны враги, если есть тираны?!

И, главное, я вроде как попросила его после спектакля, чтобы он не вмешивался. Но он же тиран, он вообще не понимает, как можно от его милости тиранской отказаться. Идиот.

Я, правда, рассмотрела, что у него грустные и усталые глаза. И он классно топает ногой. Мне бы это тоже освоить. Лёгкий такой притоп, вроде и не сильный, и не экспрессивный, а боязно сразу ужас как.

Ух ты! Красавчик. И с подарком. Это мне? От тирана? Ну надо же. А тема-то развивается. Нет, увы. Это не развитие. Это деградация в полный отстой. Зачем мне плюшевый медведь? Жалкий презент, банальный. Да ещё и от тирана. Я разочарована.

Красавчик смеётся. Что они там, в диктатуре нашей, все

такие смешливые?

Оказывается, красавчик не кто-нибудь, а сам Шут. Похоже, важная должность.

Кроме презента Шут оставляет мне два десятка конвертов. Я приглашена на все мыслимые и немыслимые приёмы и торжества этого города. Сильно. Только мне нечего одеть. И денег у меня нет. Где бы поменять плюшевого медведя на хорошее платье?

Чародей неплохо танцует. Но так скованно-заученно, без выдумки. Совсем не импровизирует. И за исключением строго одного танца на каждом приёме он никак не проявляет своего интереса ко мне. А меня уже и за глаза, и в лицо называют актриской диктатора. Я, правда, понемногу учусь извлекать из этого выгоду. Цыкнула тут на одну малявку из костюмерной, что никак не могла наговориться по телефону, даже видя, что я её жду. И сразу получила всё, что надо. Без клейма распутницы нарвалась бы только на ругань. И администрация театра вдруг стала подозрительно любезна. Я, конечно, перестаралась, спросив у художественного руководителя, не поставить ли нам что-нибудь новое и современного композитора. Дедушку едва удар не хватил. Но зато и замечаний насчет того, что свои глупые мысли я могла бы держать при себе, не последовало.

Оказывается, Чародей носит очки. То есть обычно он жи-

вет без них, но одевает, когда надо что-то прочитать. Очки эти странные. Линзы совсем не изменяют мир, и даже я в них вижу всё вполне обычно. Очки Чародей постоянно везде забывает. И часто забывает их одеть, отчего потом смешно злится. Читает он спокойно и без всяких очков, и вроде как не устаёт. Зачем они ему нужны? Не понимаю. Если только маскироваться — в очках и без военной формы он совсем не похож на свои парадные портреты.

А ещё я ничего не понимаю в ритуалах ухаживания. Какой смысл привезти меня во дворец, усадить в кресло, вручить мне пульт от гигантского телека, после чего три часа читать важные бумаги, время от времени переговариваясь с разными особами из правительства? И после этих трёх часов вежливо попросить охрану отвезти меня домой?

Ты снова будешь читать свои бумаги? Тебе надо утвердить важный закон, а он не доработан. Хочешь, расскажи мне. Я всё равно ничего не пойму? Но если твой закон для людей, они должны его понимать. Особый юридический язык? Ты его учил? Сам разобрался. Я тоже разберусь. Не приставать к тебе? Да пожалуйста. Может, мне лучше совсем уйти? Нет. Только сесть и закрыть рот. А я иначе представляла себе то, что происходит в гареме.

Кстати, а где он, гарем этот? Во дворце его точно нет. Дворец вообще маленький оказался. Шесть комнат сверху и четыре снизу. И ни в одной из этих комнат нет того, что изоб-

ражают в книжках – такого красивого ложа под балдахин. Чародей вообще спит на диване. В собственном кабинете. Я понемногу засунула свой любопытный нос в разные шкафы и комоды. Но нигде ничего интересного. Ни склада императорских драгоценностей, ни библиотеки древних манускриптов. Только склад странных пуговиц с ножкой и подвижной пимпочкой. Шут сказал, что это его коллекция запонок. Зачем столько запонок? Их за всю жизнь не износить.

Где ты был? В стране солнечных девочек. Здорово. А ты не был на шоу того самого великого клоуна? Да я знаю, что нет, просто тебя дразню. Ты купил больницу? Вот прямо целую больницу? Классно. А как она сюда приедет? Целым домом? Ага, опять попался. Где она будет? В Загляденске. Это здорово. Ты успел поесть? Только в самолете? Хочешь, я тебе ужин сделаю? Завтра? Нет, завтра у меня спектакль. Нет, ты что, я не могу его отменить. Тебе не надо думать о карьере, и ты вообще уже старый, а мне ещё в примы пробираться. Нет, не надо! Никаких протекций!! Ни за что!

А хочешь, я останусь здесь, с тобой? До завтра? Негде спать. Логично. Ну тогда мы могли бы немного побыть вдвоем, а потом я бы уехала. Зачем? Ну, люди иногда хотят быть вместе. Я не понимаю, чего ты от меня хочешь. Я тебе нравлюсь? Ты меня хочешь? Зачем ты привозишь меня сюда? А потом заставляешь сидеть тихо и не мешать тебе?

Я тебе нравлюсь. Ты меня хочешь. Но конкретно сейчас я

тебе мешаю, поэтому я могу пойти и поиграть в новую компьютерную игрушку.

Ну ладно, Чародейчик, ты меня достал. Не пойду я ни к каким игрушкам. Просто возьму и уеду. Вот и всё. Сиди, читай свои бумаги, копайся в интернете, кричи на своих чиновников, топай ногами, а я еду домой.

Да, я уехала. Мне стало скучно. Ты тиран, я знаю. Ты деспот и диктатор. Ты – Чародей. Дальше что? Ты не понимаешь, что мне не нравится. Да мне всё не нравится! Если я тебе нравлюсь, посмотри на меня, скажи мне об этом. Если ты меня хочешь, ну соблазни меня, не знаю, изнасилуй, в конце концов. Ты же ничего не делаешь вообще.

Я дурочка, потому что понятия не имею, о чём говорю. Ладно.

Делай раз. Минус штаны. Делай два. Минус кофта. Делай три. Минус майка.

Ну? Я же красивая, когда голая. У меня красивое тело. Я гибкая, у меня отличная растяжка. Так ты сделаешь что-нибудь?

Да. Он сделает. Натянет на меня штаны, треснет по заднице и топнет ногой. А я не боюсь уже. Я и сама могу топнуть. Только ему наплевать. Посидела за компом два часа. Посмотрела удивительный спектакль в театре города со старой башней. Вот это весчь, вот это я понимаю, танец.

Я нашла, как мне казалось, идеальное решение своей проблемы. Ревность. Если тиранчик проявит некоторую ревность, я пойму, что не работаю за бесплатно декоративным украшением его дворца. Отличный был план, только где найти в этом городе и этой стране мужчину, который согласится даже теоретически, даже мысленно перейти дорогу тирану? Может, Шут и мог бы, но как к нему подступиться? Он видит во мне нечто среднее между любимой собачкой и любимой фарфоровой статуэткой тирана (причём ни того, ни другого у тиранчика нет). Все остальные и вовсе шарахаются, как чёрт от ладана.

Я попыталась разведать хоть что-нибудь про бывших подружек Чародея. И поняла, что правды не узнаю. Слухи изобилуют скандальными подробностями, но все они – высосанные из ничего журналистские фейки. Я выяснила только, что две бывшие пассии тирана отправлены жить за океан с круглой суммой в кошельках.

Ого. Я поняла, почему Чародея называют тираном и деспотом. Сегодня он решил, что нашей тирании необходима реформа пенсионного обеспечения. Вопрос пенсий у нас вообще очень сложный, болезненный, и два предыдущих режима уже подорвались на этой затаённой мине социального недовольства. Чародею мины нипочем. Он спокойно, но так энергично заявил толстому председателю фонда, что расстреляет его прямо сейчас. Потом, ничего не стесняясь, вре-

зал председателю ногой пониже спины. И, когда тот в полуприсяде выбегал из его кабинета, напутствовал его почти ласково: «Побежал, побежал – работать!»

Лично на меня всё это произвело мощное впечатление. Но это были цветочки. Потому что потом он меня поцеловал. Посадил к себе на колени и легко коснулся моих губ своими. Оказалось, это как-то обычно. Как руку погладить. Ласково, нежно, приятно, но обычно. И всё же мы целовались, не знаю сколько времени.

А-а-а! Ур-ра! Что-то сдвинулось с места!

Ты – тиран и деспот! А ещё самодур! Кто просил отменять мое участие в спектаклях? Приехал Шут, и вот я уже не танцую, меня заменили. Это ты его подослал. Зачем?

Мы уезжаем? Мы вдвоём? Ой. А куда? Ты не скажешь? Это секретное место, и дорогу туда можешь найти только ты?

Секретное место – это дом и причал на берегу очень красивого и безлюдного озера. У причала стоит катер, но мы так на нём и не покатались. Тиранчик затащил меня в дом и свалил на огромную кровать.

Теперь я – любовница Чёрного Чародея. Это так странно звучит. И я не очень поняла, что к чему. Он сказал, что я сойду с ума. Что-то пока не очень. Непонятно всё. И чудно. Надо книжки, что ли, ещё почитать.

Ты опять уезжаешь? Важная конференция. Саммит семи

магов. Здорово. Ты хочешь, чтобы я бросила театр? Совсем? И жила здесь, у озера? Хорошо. Всё равно в театре ничего интересного не ставят. Я буду ждать тебя здесь.

Я чувствую себя такой странно счастливой, когда он приезжает. Так здорово просыпаться рядом с ним и дразнить его быстрыми поцелуями. Так хорошо, когда он обнимает меня и заставляет забыть о поставленной на плиту сковородке. Так весело бегать с ним по кромке воды и выкидывать рыбу, которую он поймал. Он так смешно изображает сердитого деспота. У него грустная, но красивая улыбка. И он всё время забывает везде свои очки.

Кажется, я влюбилась.

А почему ты отпускаешь рыбу? Вот эта смотри, какая толстая. И мордатая такая. Ой, колется. Серьёзная рыбина. Мы могли бы её съесть. Ты привез кусок большой океанской рыбины, и вот её-то мы и будем есть. Тебе нравится ловить рыбу, а не вырезать из неё кишки. К тому же зачем с этим возиться, когда уже есть готовое филе, которое надо только обжарить. Логично. Но не совпадает с распространенным мнением о кровожадности тиранчика.

Ты думаешь, что женщине надо учиться чему-то более значимому? Учительница, врач, экономист – в мире полно полезных профессий для женщин, которые позволяют реа-

лизоваться. А танцы – это слишком сиюминутно и поверхностно. Нет, Чародейчик. Танец – это движение, это шоу. Люди должны видеть красивое, прекрасное, то, к чему они могут стремиться. А ещё танец – эмоции. Однажды я придумаю такое шоу, что все будут смеяться и плакать. И поставлю его в твоём театре. Ты мне не разрешишь? Ну, тогда придется искать другой театр. А тебе потом будет обидно, что это не твой.

Да нет, Чародей, запретить творчество нельзя. Оно всё равно будет в голове.

Полагаю, я попала в ту же ловушку, что и миллионы девушек до меня. Я надоела мужчине. Я надоела Чародею. Сидеть у озера и ждать особенной погоды всё сложнее. Здесь негде репетировать, и я превратила в танцзал небольшую полянку. Но я не вижу себя, когда тренируюсь, а собственные ощущения подсказывают, что я уже совсем не лучшая. Я, правда, с подначки Шута освоила несколько акробатических трюков, и от нечего делать сама себе придумала пару классных сольных танцев. Но, поскольку Чародей ничего в этом не понимает и понимать не хочет, а Шут воспринимает меня исключительно как повод для ржачки, оценить, насколько здорово получилось, невозможно.

Вчера было солнце, сегодня дождь. На прошлой неделе выпал град, а на следующей будет ветрено. Даже если ночью вдруг случится северное сияние, вряд ли тирану это будет

интересно. Что я здесь делаю? Чего жду?

Не могу больше видеть этот дурацкий пейзаж! От одного слова «рыба» тошнит! И скучно так, что хоть садись на причале и вой. Всё! Я уезжаю!

Тебе это совсем всё равно? Ну сказал бы «до свидания», что ли.

У пассии диктатора, пусть и бывшей, есть свои маленькие радости. Я – прима в театре имени тирана. Вот так вот сразу я через постель диктатора сделала карьеру. Но первые спектаклей пять я конкретно так провалила. Не без помощи партнёра, который всячески доказывал мне свою значимость уже состоявшейся звезды. И не без усилий остальной труппы, отказавшейся меня воспринимать не только как человека, но и как видимый объект.

Я танцую с пробитой кнопкой пяткой. Я не замечаю предательских ударов локтей в солнечное сплетение. Я сохраняю спокойствие, когда мне «случайно» выдирают клочок волос. Я стоически выношу все тихие и не очень издевательства и отчаянно работаю над тем, чтобы вернуть себе нормальную форму. Мышцы болят, организм, привыкший к комфортному лежанию в шезлонге, отказывается понимать команды мозгов. Но я знаю, что репетиции и работа над собой – единственный способ чуть приглушить злой гадливый шепоток.

Ой. Чародей. Ты что здесь делаешь? Меня ждёшь? Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой во дворец? Хорошо. На пару часов? Ладно. Только секс? Ну-у, давай.

Я всё же не бывшая пассия диктатора, но очень, очень странная. Чародей со мной почти не разговаривает. За мной заезжает его охрана, везёт во дворец, там мы быстро спариваемся, он меня выпроваживает, меня отвозят домой. Всё. Я понимаю, что он меня использует, что я ему нужна как тело для физиологической разрядки, но как выйти из этого расклада не знаю. Сказать, что я больше не буду к нему приезжать? Было бы самым разумным. Но тогда я совсем не буду его видеть. А так я иногда могу мечтать о чем-то несбыточном.

Я сняла клип. Записала один из своих танцев, придуманных у озера, на видео. Антураж, правда, поменялся с леса на шикарные апартаменты в стиле барокко, но от этого выразительность танца только выиграла. Я послала запись на отбор конкурса в стране серебряных колокольчиков. Меня выбрали, я слетала за границу и выиграла второе место. В костюме из старых запасов театра. Под плохую запись, скачанную из интернета. Без личного балетмейстера, хореографа, визажиста и прочей команды. Просто я одна. Конечно, я расстроилась до слёз, когда поняла, что первое место – не моё, но и второе было чудом, невероятным подарком. И про меня

написали в иностранных газетах! Ещё звонили, чтобы взять интервью, но мне надо было быстро возвращаться.

Мой успех неожиданно привлек ко мне ту самую команду. Молоденькая девочка-костюмерша взяла и перешила мое платье. Один из мальчиков балетной труппы взялся помогать мне в шлифовке номера. Он подсказал мне несколько очень умных идей, и танец стал шикарным. Одна пожилая парикмахерша сделала мне новую прическу. Изменения были не так, чтобы революционными, но я вдруг разом похорошела.

Моя попытка похвастаться своим успехом Чародею не привела ни к чему толковому. Он сдержанно сказал, что знает, рассеянно оглядел мою голову, взял меня за руку и отвёл к большому креслу, которое в основном и было полем наших сексуальных развлечух.

Помощь пришла оттуда, откуда я её совсем не ждала. Однажды материализовавшись в театре, Шут заявил, что я буду участвовать ещё в двух фестивалях и трёх конкурсах. Небрежно бросив мне в руки толстую пачку денег – на расходы – он отбыл, оставив меня в лёгком недоумении.

Мы начали работать, работать, работать и сделали ещё три танца. Каждый был особенным и не похожим на другие. У меня были классные костюмы, хорошие записи, своя команда, я добилась такой идеальной физической формы, как никогда раньше. У меня было даже два охранника, но я ни-

чего не выиграла, и кажется, осталась вовсе не замеченной. И я была очень разочарована этим.

Но потом Шут притащил мне иностранный журнал, и я обомлела. Там была моя фотография в танце во весь разворот, ещё с десятков моих фото поменьше, плюс статья на семи страницах убористого текста. Статья была о том, насколько самобытно и фантастично танцевальное искусство в этой стране. Прочитать статью на иностранном языке я не могла, но Шут сказал, что меня не просто заметили. От моих танцев большое количество критиков резко опрокинулось в обморок. Причём как со знаком плюс, так и со знаком минус.

А потом труппа нашего театра выиграла большой балетный конкурс в стране танцующих башмачков. Это был риск. Я придумала сложный по рисунку танец, было много сомнений, что мы станцуем его так, как надо, формально над танцем работал ещё художественный руководитель театра, который только всё портил. Костюмы были, скорее, из мира больших рок-концертов. А древняя музыка скрипок слишком рвала душу. Я до последнего не была уверена, что мы с партнёром вытащим сложный трюк, который к балету не имел никакого отношения. И этот трюк сам по себе тоже был риском. Но мы выиграли.

Чародейчик! Мы выиграли!! Я победила!! Ты видел! Они все словно с ума сошли! Меня поместят на обложку журнала! Я буду давать интервью! Нас приглашают на гастроли!

Я пьяная? Да нет же, с чего ты взял?

Чародейчик!! Ты представляешь?! Гастроли!! Я поеду и посмотрю мир!

Нет же, я только немного шампанского выпила.

Чародейчик! Да гастроли – это только месяц-два, максимум три! Ну что ты такой смурной! Я так счастлива! Хватит хмуриться. Хочешь, я тебя развеселю? Я для тебя станцую. Такой суперский танец. И только для тебя!

Да совсем немного выпила, правда.

Мой восторг ему совсем не нравился. Но он устроил мне невероятную ночь. А потом и сумасшедший день. Всё, чему он меня учил до этого в сексе, оказалось чем-то вроде азбуки. Теперь же пришло время серьёзной толстой книжки, от которой я действительно сошла с ума. Вот только на прощание Чародей обозвал меня актриской, и это оставило неприятную занозу у меня в голове.

Привет, Шут! Так жалко, что не получилось со всеми этими гастролями. Но зато я вчера встречалась с им-пре-са-рио. Во! В театре летающих змей готовы предложить мне контракт на год. А в стране урановых руд – сразу на два. Это круто, да? Да нет, я и хочу, и не хочу. Ведь если я уеду, Чародей найдет другую девушку, да? Мне будет грустно.

А куда мы едем? На озеро... Фу. Я там не останусь. Ни за что! На два-три дня? Это ладно.

Государственная тайна? Ты доверишь мне? Ух ты! Давай!

Чародея ранили? Как это ранили? Ударили ножом. С ним всё в порядке, но Шут не хочет, чтобы он оставался совсем один. И не может остаться с ним сам, потому что ему надо разобраться в этой истории. Оказывается, я – тот человек, которому можно доверить жизнь диктатора.

А за медалью когда приходиться?

Чародей хмурится и выговаривает Шуту за то, что тот меня привёз. Шут не обращает на топание ногами ни малейшего внимания, выгружает меня и пакеты с продуктами из машины и отбывает восвояси, бодро насвистывая простенький мотивчик. И почему этот наглый красавчик так уверен, что Чародей его не расстреляет?

Тиранчик не столько ранен, сколько отмечен жуткими синяками и несколькими глубокими, но неопасными порезами. Объяснять мне он ничего не собирается, но я и так понимаю, что на него кто-то напал, и он отбивался, как мог. Мог, видимо, мощно, поскольку не так уж пострадал.

Заботливая курица-наседка, квохчущая вокруг больного, из меня не получается. Больной слишком уж прыткий и тиранический. Он читает книги по экономике, строчит длинные тексты на компьютере, чуть тише, чем обычно, но орёт на членов правительства. Я стараюсь ему не мешать, занимаясь готовкой, своими репетициями и разными бытовыми мелочами. И тихо возвращаю на его стол брошенные где-нибудь очки.

Зато Чародей немного неожиданно отдаёт мне всю инициативу в сексе. Типа, делай, что хочешь, когда хочешь, и как хочешь. Мои инициативы очень его веселят, и я чувствую себя недотёпой. А ещё я боюсь причинить ему боль. Я понимаю, что это не та боль, от которой люди теряют сознание, но я замечаю, как он иногда морщится, и мне хочется как-то его поддержать. Ему это не надо, поэтому мне остается только быть осторожной.

Периодически я накрываю заснувшего в шезлонге диктатора большим толстым пледом и пытаюсь представить себе его маленьким. Не получается.

Проходит неделя, заговор раскрыт, личности напавших на диктатора заговорщиков установлены. И что бы их было не установить, когда тиран лично отмордовал обоих своих потенциальных убийц до переломанных костей и потери сознания.

Мое очередное погружение в перевёрнутый озёрный мир закончено. А дома меня ждёт приглашение. От того самого великого балейтмейстера. Он очарован моим талантом увлечь публику, он видит во мне потенциал великой танцовщицы, он хочет поставить персонально для меня спектакль. О любви.

Чародейчик, нам нужно поговорить. Аллёу! Посмотри на меня. На минутку. Ку-ку! Я здесь сию. В кресле. Пони-

маешь, мне надо принять одно важное решение. То, что может один раз и навсегда определить, кто я в этой жизни буду. Да не улыбайся ты так. Я серьёзно.

Меня приглашают на работу за границу. Это очень интересное и важное предложение. И я очень хотела бы поехать. Это шанс научиться действительно серьёзным вещам, стать заметной и успешной. Но я не знаю, как к этому отнесешься ты.

И на что я надеялась, не понимаю.

Чародейчик, ну что ты растопался ногами. Я буду прилетать к тебе. Хоть каждую неделю.

Не, я вообще никуда и не улечу. Я уже невыездная. И все мои коллеги тоже.

Хорошо. Я останусь здесь. Что я буду делать? Всю жизнь умирать в белых перьях? Я научусь и вернусь, и тогда я здесь поставлю совсем новый, прекрасный балет. Мы здесь будем делать интересные музыкальные и творческие вещи. Ну ты же тиран, в конце концов. Это и тебе интересно. С государственной точки зрения.

Тебя не интересуют балеты. Плевать ты хотел на все творческие вещи. И выкинул бы всю эту мерзкую культуру вообще. Это твоя новая государственная политика. Ты закроешь все театры в принципе. И что я тогда буду делать, если не будет ни одного театра?

То, что девчонки вроде меня делали веками. Танцевать на городских площадях. Босиком. И собирать монетки

в шляпку. Шляпки у меня, правда, нет. Придётся на первые монетки прикупить.

Всё. Я могу отправляться, куда хочу. Я свободна. Это та свобода, когда мужчина показывает пальцем на дверь и орёт: «Пошла вон! Свободна!». Это совсем не та свобода, которую я хотела. Но отыграть что-либо назад уже невозможно.

Тирания работает быстро и эффективно. Всего через два дня у меня в кармане лежит контракт на работу с великим балетмейстером. В сумке лежит толстая пачка денег. У меня уже нет доступа ни в одно из тех мест, где я могу хотя бы издали помахать рукой диктатору. Мои телефоны поставлены в списки игнора, все мои договора в этой стране аннулированы. Мне куплен билет. Я улетаю.

2

Ты так добр, Шут, спасибо, что не забываешь обо мне. Да, я чудесно устроилась, у меня хорошая квартирка, чудесная соседка. Ты не поверишь, но я учу сразу два языка. Ужасная путаница получается, но я надеюсь справиться. О, это так мило с твоей стороны. Спасибо.

Что это у тебя за новые запонки? Из коллекции последнего императора? Круто. Но у тебя нездоровое отношение к этим штучкам. Я вот ничего особенного в этой ерунде не нахожу. Честно. Стекляшки, да и всё.

Я учусь. Я путешествую. Я танцую. Я знакомлюсь с новыми людьми и постепенно начинаю путаться в том, кто из них кто. Про меня пишут, на меня ходят, у меня появляются поклонники и даже не слишком приятные фанаты. У меня скандальный роман с великим балетмейстером. На моем счету любовные истории, к которым я не имею ни малейшего отношения. У меня сложные связи с мафией той тиранической страны, и для меня главная сложность в этих связях — то, что я ничего о них не знаю. Мне дарят дорогие вещи, которые я храню в сейфе банка. И ещё в двух банках у меня есть собственные счета, регулярно пополняющиеся приличными суммами. Я добилась успеха.

А ещё я внимательно читаю все статьи о той стране и о том, что делает тиран. Я смотрю новости си-си-ми, потому что иногда его там показывают. Я читаю обзоры и статьи в интернете, которые обсуждают его и его решения. Я люблю слышать его имя и всё время наостряю ушки, если где-то заходит разговор о магии и чародействе.

В какой-то неуловимый момент я начинаю сама говорить о той стране и о том, что там много талантов, что мы не такие уж отсталые варвары, как о нас думают. Что у нас есть театры, есть народное искусство, есть культура и история. Меня слушают со снисходительными улыбками, и я постепенно впадаю в воинственный азарт. Я выступаю в нескольких шоу по телевидению, я участвую в большом медиамарафоне, я публикую несколько статей, и везде довольно агрессивно

отстаиваю право на цивилизованность для той страны.

Время мелькает так быстро, что не успеваешь и оглянуться. Шоу великого маэстро завоёвывает несколько призов и наград, я получаю свою порцию славы и... полную неопределённость дальнейшей жизни. Роман благополучно сходит на нет, для следующей постановки маэстро присмотрел новую талантливую курочку. Может, вернуться домой? Но что я там буду делать?

Что это было? Фу ты, Ворон, ну нельзя же так. Ещё раз подкрадёшься, я тебя стукну. Да. Пяткой в нос. Нет, потом, наверное, умру. Но синяк поставить тебе успею. Зачем экстремальному оборотню понадобилась моя жалкая душа? Ты хочешь пригласить меня на бал? Ты? Меня? Так нормально объясняй, что я с маэстро, ты с другой звездой. Зачем тебе нужна я?

Научить тебя танцевать?! Э-э-э. Ну, давай, попробую.

О-о-ой... Исчадие ты бестолковое, не надо бросать меня через бедро! Легче, плавнее, нежнее. И не захватывай запястье, а за руку меня возьми. Уже лучше. Но, знаешь, я не рекомендую тебе классический репертуар. В балете на руках не ходят. И ногами вот так агрессивно не машут. Ладно, потренируемся потом ещё.

Как, вообще, дела дома? Хорошо. Лаконично, конечно. Но ни о чём.

Шут, да брось ты это занудство. И не вздумай действительно набить морду маэстро. Всё же было известно заранее. Одна девочка – одно шоу. И я знала, что так будет. Это вроде контракта. Ты получаешь славу, а он – свою порцию разврата. Теперь у меня с развратом всё в порядке, и нам обоим стало скучно. Всё это никак не затронуло моих чувств. Да правда.

У тебя опять обновка? Гранаты казнённого короля? А я думала, гранаты – это фрукт такой. Камень тоже? Сколько путаницы на белом свете.

О, милый Герцог, какой приятный сюрприз. А я и не думала, что тебя можно встретить так далеко от герцогства. Что ты здесь поделяваешь? Собираешь звёзд? Как интересно. А я тебе не подойду? Ваш национальный фестиваль мухоморов? Конечно, приеду. С меня танец бледной поганки. Не хочу ли я поработать в герцогстве? Возможно. Ваш великий театр остался без примы? Это большая честь для меня. Я подумаю.

Герцог ничего так. Хорош собой. И не жадный. А в постели так вообще пряник. В постель я, конечно, не собиралась, но так уж получилось, что мы вместе надрались на большом приёме, почти случайно упали в большую герцогскую кровать, и – вуаля! – подлое си-си-ми сообщило миру, что я запустила свои ядовитые когти в самого благородного принца

всех времен и народов.

Собор духовенства герцогства высказался резко против такого крушения имиджа Герцога как чистенького пай-мальчика. Премьер прилетел с тёплых островов и два дня внушал Герцогу патриотические мысли. Какая-то замшелая принцесса хлопнулась прилюдно в обморок, потому что у неё на Герцога были виды. Дура дурой, а за мой счет себя порекламиривала. Министры тихо шуршали на своих заседаниях.

Но мне было некогда. Я танцевала.

Солнышко, а Расскажи мне о том месте светлого волшебства? Это храм? Это школа? Нет. Просто монастырь. Там много красивых женщин? Они молодые? Есть красивые. Есть старые. Есть богиня. Она властвует над временем. Те, кто живёт в монастыре, невидимы для обычного времени. А как называется этот монастырь? Обитель карамелек? Хорошее название. А что тебе больше всего нравилось в монастыре? Дерево? Когда оно цветёт, приходит весна. И приходит новая богиня. У тебя были игрушки? Куклы? Только одна большая. В высоком доме. Ей обязательно надо кланяться.

Дорогая герцогиня, теперь уже тебе все вокруг кланяются. Только мало кто понимает, что больше всего на свете тебе хочется новую куклу. Обязательно в красивом платье. И с бантиком.

Герцог старше Чародея, и он на два года раньше стал наследственным и абсолютно легитимным правителем страны, в которой всё работало как отлаженный часовой механизм. Но за всё это время он так и не понял кайфа этой власти. Он не строил заводы и мосты. Он не прокладывал дорог, не придумывал праздников, не затевал реформ. Его герцогство стало похоже на засохший пасхальный кулич. Корка красивая, посыпана разноцветной глазурью, но внутри уже завелась плесень.

И я не понимаю, как он терпит этот дурацкий собор? Почему столетние мухоморы до сих пор решают, что должна одеть женщина, когда идёт в магазин? Допустим, у парада анахронизмов в расшитых платьях есть миссия сохранения культуры минувших эпох. Но зачем позволять им вмешиваться в законы?

Да-да, я счастлива познакомиться. Со всеми этими важными людьми. И особенно с господином виконтом. Да, господин виконт, я буду рада пригласить вас на представление.

Ворон, ты напрасно думаешь, что это смешно. Парализованная танцовщица с вытаращенными глазами и раскрытым ртом – совсем не образец светской непринуждённости. Что, нельзя было заранее предупредить? Было бы не так весело? Ну, погоди у меня, оборотень.

Как поживает наш диктатор? Ты не знаешь. То есть зна-

ешь, но не хочешь говорить. Всё, исчадие, я с тобой больше не танцую!

Солнышко, смотри, что я тебе принесла. Это кукла. Да, настоящая. Я думаю, тебе разрешат взять её в монастырь. Когда ты туда поедешь? Когда повезут. А ты помнишь, сколько туда ехать? Час, два, день, неделю? Долго. Целый день. Вставать надо затемно, а когда приедешь, уже опять темно. Не сходится. Герцогство за сутки можно насквозь проехать. А вы на чём ехали? На лошадках?! В карете? Мир намного более странен, чем я думала. А ты помнишь, вы где-нибудь останавливались? В городе с очень высокой башней. В той башне умерла несчастная колдунья, которая стала женой Герцога Первого.

Малышка, возьми ещё бантик. Хочешь, я его тебе прицеплю? Ты очень красивая девочка. Но помешательство в твоём роду – проклятие юной пленницы, однажды сбежавшей в мир грёз. Тебе хочется быть похожей на неё? О, дорогая герцогиня, ты похожа. Настолько, что даже оторопь берёт.

Спасибо тебе, Шут. Ты настоящий друг. Не знаю, что бы я делала без этих твоих смешных рожиц. Ты видел меня в той феерической пьесе в стране бурундуков? Так зашёл бы после спектакля. Не мог пробиться? Ой-ой, чтобы ты да не мог? На аукцион со стекляшками, небось, опаздывал. Ладно, не оправдывайся.

У меня всё хорошо. Даже отлично. Через месяц у меня будет премьера в герцогском театре. Я поставила спектакль, и я сама станцую в нём.

Так, Герцог. Начнем с одной малюсенькой реформы в области начального образования. Ну, не такой, конечно, малюсенькой. Пусть среднее образование будет обязательным и бесплатным. Нет-нет, не надо пугаться. Я не пытаюсь привить на этой крепко-монархической земле ростки тирании. Но образованные дети – это шаг от всеобщего быдлчества к цивилизации. Да я же не спорю, в той стране с быдлчеством колоссальные проблемы. Тирания, что с неё взять. Однако и здесь, в тысячелетнем герцогстве, ситуация не лучше.

Ну что, здорово? И поржать можно, и государству на пользу.

Кстати, ещё об образовании. Это правда, что некоторых девочек до сих пор держат в монастырях? И что, у вас много монастырей? Несколько десятков. Но половина для мужчин. Так что остается... несколько десятков. А в них нельзя школы открыть? Нет? Однозначно нет? Нет и всё. Ладно, ладно, я поняла.

Солнышко, я снова с подарком к тебе. Смотри, это сумочка. В неё можно сложить заколки и разные бусики. В монастыре нельзя носить заколки? А за бусики можно схлопотать выговор от богини. И тогда придется мыть туалеты. А ещё

читать богине сказки на ночь. Добрые богини слушают сказки. Но иногда бывают злые богини, и тогда девочке придётся делать разные странные вещи. А что ещё странного есть в монастыре? Есть женщины, которых нельзя видеть. Потому что они одержимы бесами. Их держат каждую в своей клетке. К ним нельзя подходить, потому что бес может перекинуться на тебя.

Солнышко, ты очень добрая и хорошая девочка, поверь мне, ни одна богиня не заставит тебя делать странные вещи. Почему? Потому что толкователи слов богини поостерегутся затевать такие игры с коронованной особой, кем бы она себя ни воображала.

Привет, Шут. Спасибо за цветы. Ты знаешь, что это мои любимые? Как мило. Ты привёз их самолетом? Неужели? Это от... тебя. Да, я понимаю. Спасибо, огромное спасибо. Как тебе мой спич на форуме? Я вменяемо изложила твои тезисы и свои мысли? Ой, нет, политика – это не моё. Меня жутко заедает, что мне всё время с такой жалостью в голосе говорят «Ах, ну вы же из той отсталой страны». Знаешь, как бесит? Тебя тоже бесит? Где ещё выступим?

О нет, хитрец, это ты не ради выступления, это ты собрался на распродажу того костюмчика поп-звезды, в котором есть предмет твоего помешательства. Да-да, и не делай такое невозмутимое лицо. Я о запонках. Хочешь упасть? Вот они. Я их выкупила. Ага! Попался! На колени, раб! Будешь мне

три года служить! Собачкой. Причём одноногой.

Нет уж, к чёрту таких собачек. Держи.

Теперь, милый Герцог, мы немного пощиплем жирных куриц в здравоохранении. Ты знаешь, что Чародей закончил строительство большой клинической больницы в Загляденске? Да, тот самый хирург по личному приглашению тирана уже провёл первую операцию на сердце двухлетней девочки. И разрезал потом ленточку начала строительства будущего медицинского института.

А у тебя министра здравоохранения кто назначил? Твой дедушка? А министру сколько лет тогда? Восемьдесят восемь? Но он бодр и светел головой? Насчет светлости не спорю – белый волосом дед. И бодрости ему не занимать. Но он, кажется, уже лет десять безуспешно борется с собственным склерозом, и это единственное, что он делает во всём здравоохранении.

Нельзя прогнать министра, потому что его внука замужем за послом кого-то где-то, а мама того посла выкормила грудью щенят старой герцогини? Бред. Герцог, а ты попробуй. Давай, ногу так приподними и топни с размаху. Возможно не сильно. Тут важен сам факт. О! Смотри, как забегали. Пытаются вспомнить, что такое работа.

Кстати, о здоровье. А в этих ваших монастырях лечат? Монашки сами излечиваются? А полечиться в больнице и потом вернуться в монастырь – нельзя? Да-да, я помню,

что там ничего нельзя.

Всё. Я устала. Пошли в спальню.

Привет, Ворон. Как житуха в твоём змеином измерении? Встреча с костлявой старухой не состоялась? Ты опоздал к началу экспедиции, твои друзья ушли, и оказалось, что в последнее восхождение. Ты пытался их догнать, но тщетно. Теперь ты здесь, а они... остались там, где и умерли. Сочувствую.

Смерть боится твоей улыбки, и если бы ты был с друзьями, она бы и близко не сунулась. Ну и самомнение... Ты себя в зеркало видел? Да рядом с тобой даже у меня плотное телосложение. Тебя с той старухой запросто спутать можно... Нет, прости, я брякнула, совсем не подумав. Не будем говорить об этом здесь. Дядьки в платьях занервничают, а про меня и так разное инфернальное болтают.

Как дела у Чародея? Нормально. Бесполезно спрашивать.

Солнышко, ты такая красивая сегодня. Что ты грустишь? Я не нравлюсь старичкам в платьях? Что поделать. Я тёмная колдунья, ученица Чёрного Чародея? Ну-у, в каком-то смысле это так. Они меня убьют? Может быть, малышка. Почему я не убегу? Потому что ты не рассказала мне об одной маленькой девочке.

Ты ничего не знаешь? Конечно, нет. Но подумай немного. Ты ведь помнишь маленькую девочку? Похожую на тебя?

Такие же волосы, такие же глаза. Она была сначала крошечной, а потом выросла в умную и красивую девушку. Вы были очень-очень дружны. Вы обнимались, вы целовали друг друга. Её маленькие ручки превратились в нежные девичьи, а ты так любила баловать её колечками. Ты ведь помнишь её, Солнышко? Да?

Не плачь, малышка. Я здесь, я пожалею тебя, поглажу. Расскажи мне, что помнишь. Той девочке было больно. Её связали. И увезли. В тот самый монастырь карамелек. Но она жива? Точно? Ты уверена? Тебе говорят, что да. Только она очень больна, её нельзя видеть. Она в одной из клеток для одержимых? Ты не знаешь. Тебе не разрешают туда подходить.

Уроки тиранства, дорогая герцогиня-мать, тебе бы очень помогли.

Шу-у-ут... Классно как. Ну, ты даешь. Я даю? Герцогу? Здрасти, кэп. Хочешь, честно тебе скажу? Этот пряник мне надоел. Нет, понимаешь, вот Чародей не надоел. А с этим коржиком что-то уже скучно. Я не хулиганка! Я звезда! Я – настоящая мировая звезда! В той стране много таких? Вот! Я – бесценный алмаз на небосклоне культурных достижений той страны!

За меня? Другое дело. Чин-чин.

Слушай, а объясни мне, что не так с тёмным кристаллом? Мне Герцог часа два распинался, но я почти ничего не по-

няля. Да хватит ржать! Выкладывай, в чём секрет? Почему такие страсти вокруг стекляшки на цепочке?

Талисман силы? Это я знаю. А как он работает? Не, это ерунда. Я его много раз одевала и ничего не почувствовала. Надо верить, и тогда от кристалла будет излучение мощное? Хочешь сказать, он радиоактивный? Нет? Тогда что? Магическая сила. Только для избранных. Не морочь мне голову. Вот поэтому я ничего и не чувствую? Ну и ладно.

А твои запонки волшебные бывают? Они все волшебные? Так я и знала.

Герцог, это лучший парад, который я когда-либо видела. Правда. Я в эмирате пустынного шейха на параде была. И на смотре боевых колесниц в городе колонн. Я даже выставку вооружений в государстве пигмеев видела. Твой парад – точно самый красивый. Обычно военные в таких зелёных формах ходят, и машинки у них зелёные, и всё вообще зелёное. Только беретки разноцветные бывают. А у тебя и красная форма есть, и синяя, и даже жёлтая. Сто лет назад такую разработали по заказу твоей прабабушки? Удивительно. Аж в глазах рябит. А розовый танк... это просто нет слов. Не говоря уже о голубых ракетах в сиреневый цветочек. Такое умиление, когда такая штука тебе на голову свалится.

Розовый танк твоя мама придумала? А я думала, это из древности пришло. Герцогиня любила смотреть на дерево? Розовое дерево? Твоя мама, сейчас счастливо существу-

ющая в вымышленном мире, где ей самой лет семь-восемь, когда-то прошла проверку на прочность в монастыре. Полагается всех знатных женщин там выдерживать. Они или ломаются (это удобно в быту) или закаляются (тиранки нужны и для монархии). Я уже знаю абсолютно всё об этом монастыре, милый мой пряничек. Но физиономию любопытную сострою.

Милый, а, может, ты мне покажешь то дерево? Мне туда нельзя? Почему? Я не той веры? Герцог, а давай я скажу, что той? Немного лицемерия, зато я буду ближе тебе и твоей маме. Я говорю глупости? Так ты же знаешь, что я дурочка.

Чародей и парады? Да нет, он не любит парады. Ну да, военный диктатор, форма, ордена. Но он, как диктатор, предпочитает военные учения. В условиях, приближенным к реальности.

Талисман? Испытывает ли он кристалл во время учений? Не знаю. Талисман – это секретная тема. Чародей о талисмане никогда не болтает. Но знаешь, однажды мне Шут сказал, что талисман – очень мощная штука. Для её испытаний нужны не просто учения. Нужен атолл в каком-нибудь далёком океане. И чтобы справиться с энергией, которая заложена в кристалле, надо быть феноменально сильным магом. Иначе тебя размажет по космосу.

Ой. Поверил ведь. Точно пряник.

Если меня поймают, я буду врать, что заблудилась. Ну да,

в этом дурацком чёрном балахоне с белой косынкой на голове я всегда хожу на рынок с овощами. И ничего странного в этом нет. Я, может, всегда мечтала на розовое дерево глянуть. Поэтому так и одеваюсь. Ну и что, что позднее лето? Откуда мне знать, когда оно цветёт? Я вообще сумасшедшая.

Счастье моё, что в монастыре есть иностранки. Язык герцогства я выучила лишь по минимуму. С Герцогом мы отлично понимаем друг друга и на том самом международном.

Так, пристроюсь в хвост этой процессии пингвинов. Теперь незаметно отрулю вбок. План монастыря у меня есть. Что делать, я помню наизусть вплоть до реалистичного представления бумажки с инструкциями. Я в этой бумажке каждый штришок помню. Но меня нервно потряхивает. Экстремалка из меня – никакая.

Вся эта затея – безумие. Абсолютное. А что делать? Экстремальное исчадие, которому такие прогулки нипочём, исчезло на Проклятом перевале Раздалёких гор.

Перевал накрыло рекордным снегопадом, а запаса еды у Ворона нет, снаряжения для выживания нет, и связи тоже нет, потому что рации-телефоны – лишний вес. И про авиацию Раздалёкая страна в простоте своей первобытной жизни лишь мимоходом слышала. А даже если бы там был нормальный аэродром, ни один ас мира не рискнёт сесть на полтора метра снега при порывистом ветре и отсутствии видимости.

Ясное дело, на фоне таких новостей у Шута резко обострился спасательный рефлекс. И теперь мировой звезде при-

ходится исполнять главную партию в чужом балете, где взмахи ног нужны для отключения людей от восприятия действительности.

Так. Кельи для одержимых нечистой силой. Всего их десять, и четыре сейчас пустуют. Но задача поиска одной сумасшедшей из шести оказывается сложнее, чем мне представлялось. А у меня всего сорок минут, чтобы увести отсюда синеглазую красавицу-принцессу.

Ау, Василёчек? Кто из этих несчастных ты?

Вот ты. Лежишь в уголке, свернувшись комочком. Безучастное ко всему существо, утратившее смысл жизни. Слушаться будешь? Встала! Голову подняла! Балахон одела! Косынку я сама тебе повяжу. Тебя не причёсывают, что ли? Шикарные волосы, но в колтунах сплошных. И что ты делаешь со своими руками? Грызёшь? Бедная девочка. Пошла! Рядом!

Войти в монастырь – не проблема. А вот выйти куда более сложно. Поэтому, принцесса, мы не пойдем к воротам. Но нам придётся пройти мимо храма. Это самая ненадёжная часть плана. Держи метлу. Ровнее! Не горбись!

Отличный сюр. Две сумасшедшие ведьмы, переодетые монашками, шагают мимо унылого священного дерева и величественного храма, чтобы взять разбег, сесть на мётлы и улететь.

Даже странно. Выгорело. Стой, дура! Молчи! Не шевелись! Всё, поднимайте её. Эй, придурки! А я? Вы меня здесь

бросите? Мне косыночка идёт? Идиоты! Я вас расстреляю!

Что это? Водка?! А, ладно, давайте. Я не трясусь! Нет бы, сказали, что я молодец.

Где там. Шут принцессу тискает. Кажется, даже и плачет. Пытается свой шок спрятать, но не получается. Ещё бы, он свой синеглазый цветочек давненько уже и похоронил, и оплакал.

А Чародей невозмутимую скалу из себя изображает. И принципиально в мою сторону не смотрит. Сам зачем-то припёрся. Видно, приспичило на заборе монастыря посидеть. Блажь диктаторская, не иначе.

Ладно, ребята, я помчалась. Поезд через полчаса. Если Герцог обнаружит мое отсутствие в спальне, начнёт задавать дурацкие вопросы. Где была да что делала. Незачем давать ему повод для подозрений. Уехать с вами? Это всё равно, что расписаться в похищении принцессы. И у меня же спектакль завтра. Я танцую. Эх, если бы видели, как классно получилось.

Ты меня всё-таки обнимешь? И даже поцелуешь? Это здорово. Но больно.

Ну и видок у тебя, Ворон. Ты хромаешь... Очень больно? Почему в больнице не остался? Ну, считай, что я тебе ещё две недели отпуска выписала.

Да не скромничай, я знаю, что ты людей спас. Как это

не ты? Ты, но в другом обличье. А сколько у тебя-оборотня разных личин? Много. И точнее ты не скажешь.

Это подарок? Мне? А что это? Носочкотапочки? А-а, чуни. Из Раздалёкой страны. Чтобы у меня ноги не мёрзли в холодных коридорах замка. Ты, Ворон, самое доброе исчадие на свете. Не-а, я тебя больше не боюсь. Даже когда ты рычишь.

Мелькают обороты стрелок, и я снова оказываюсь на распути. Куда идти дальше? Герцог не хочет меня отпускать и проявляет занудное упрямство в попытках так или иначе привязать меня к герцогству. Но для меня этот роман исчерпан. Я сделала красивое представление, я исполнила великолепную партию. Время двигаться вперёд.

Я танцую классическую партию. Это странно, особенно с учётом того, что это самая классическая партия из всей классики, которая только существует. Мне приходится восстанавливать немного подзабытую технику, но влипаю я в этот проект не из-за техники. Я учусь актёрскому мастерству. Балет снимается для сложного фильма, в котором масса спецэффектов, а все декорации нарисованы в виртуальном мире. И моя физиономия должна будет выглядеть естественно безумной без привычного яркого макияжа.

К некоторой досаде остальных участников съёмок, у меня роман с продюсером. Он успешный актер, плеябой и бога-

тый мужчина. Сам по себе он мне не очень интересен, но он проявляет настойчивость, и мне нравится поплавать в среде комфортной, сытой и абсолютно бездумной жизни. Конечно, это быстро наскучивает, но на время съёмок любопытства хватает.

Кино получается средним (я ведь честная с собой девочка). Перенасыщенность красотой и явная увлеченность монтажёров рядами женских ножек заслоняют изначальную историю. Хотя после просмотра фильма я впервые понимаю, что сюжет балета яйца выеденного не стоит. Чушь полнейшая.

Ой! Шут, ну что за розыгрыши дурацкие! Что за конфетки? Чародей построил кондитерскую фабрику? Неожиданно. Как ты думаешь, что мне выбрать? Страну кукольных девочек? Целлулоидный город мечтателей? Далёкую федерацию всадников без голов? Что я сама хочу? Смеяться не будешь? Я хочу домой. И я хочу что-нибудь там такое сделать... невероятное. Ну ты пойми, сейчас я станцую всё, что угодно. В любом шоу. Любого маэстро. И это... скучно. Я хочу большего. Я сумасшедшая? От маньяка по запонкам слышу.

Ведущий очередного телешоу с явной издёвкой спрашивает меня, что ж я так много распинаюсь о той стране, а сама живу в сытой цивилизации. Я принимаю вызов, на полмира заявляю, что возвращаюсь домой, и сажусь в самолет.

Чудно вернуться после недолгого, но так радикально поменявшего всё отсутствия. Не то, чтобы я уже стала великой звездой, но я – заметное явление в современном театральном искусстве. Этим можно гордиться. Но на меня смотрят так, словно я пустое место. Причем пустое место в уголке прихожей, где складывают веники и совки. А сама прихожая – в домике караульных у городских ворот. Я – никакая не звезда. Я всего лишь бывшая актриска диктатора. Одна из многих.

Чародей собрался жениться. Город полон слухов. И приготовлений. Вот-вот приедет невеста. Графиня фон что-то там с тысячелетней историей.

Но сам диктатор уехал. Тиранить большую стройку важного завода. Этот завод – ключевой государственный проект, от которого зависит будущее этой страны. И мировое сообщество в обмороке от самой идеи, будто в этой стране можно такое строить.

Ты молодец, Чародей. А я хочу тебя. Именно так. Теперь я понимаю это. Это и пошло, и грубо звучит, но надо быть честной с собой. Я хочу секса. С тобой. Того секса, от которого я так сходила с ума, и которого мне сейчас не хватает, чтобы почувствовать тот восторг, то упоение жизнью. И то

вдохновение. Наверное, это эффект первого мужчины, и я слишком сильно обожглась о твое чародейство, но если бы ты только позвал меня...

Я знаю, ты не был одинок, и знаю, что твои похождения преувеличены во много раз, как и мои. Но я готова плюнуть на условности. Я только не знаю, как дать тебе знать об этом. Не напишешь же в письме: «у меня острый кризис». Я бы даже и написала, но не знаю, куда. Позови меня. Можно я хотя бы иногда, хотя бы ненадолго буду рядом?

Какая замечательная была идея... Я счастлива. Просто счастлива и всё. Ты уехал, пока я спала, и мне теперь кажется, что всё это было одним волшебным сном. Я сошла с ума и совершенно счастлива...

Все знают, что я выиграла несколько международных конкурсов, что я сама поставила спектакль в герцогстве, что я сыграла главную роль в необычном шоу того самого великого балетмейстера. У меня отличные рецензии, статьи, восторги в прессе всего мира. Но театры этой страны не могут взять к себе такую звезду, как я. У них нет для меня места. И каждый второй чирей в кресле мелкого начальника намекает, что всё это не мои достижения, а эффект тирании.

Я – безработная звезда. Смешно.

Вчера звонили из страны шёлковых птичек. Позавчера приглашали в край кругов из камней. Почта завалена от-

крытками и письмами со всего мира.

Дом творчества Лупупянска? Хорошо. Я попробую.

Это что? Реквизит? А это костюмы? Репетировать будем в сарае, потому что крыша репетиционного зала опасно провисла два года назад? А оркестр как бы есть, но в нём пять человек, каждый из которых сам по себе человек-оркестр, потому что пытается синхронно играть сразу три-четыре партии. А первая скрипка случайно пропила дорогой инструмент ещё три года назад, и теперь та скрипка – главная достопримечательность частной коллекции местного нувориша. А на представления приходит восемь бабушек в платочках, потому что их пускают бесплатно. И что бы их и не пустить, с ними хоть движение в зале есть. Одна из бабушек – астматичка и регулярно кашляет. Это немного обманывает четырёх с половиной калек на сцене. Они думают, что у них есть публика.

И это единственный театр на всю Лупупянскую область? Нет? А-а, поняла. На весь Лупупянский округ. Чем область от округа отличается? Не морочьте голову, да, я дура, хотя и творческая. Объясните толком. Ой, какая засада... Округ – это не только Лупупянщина. Это ещё и Задолинская равнина. И Среднехребетное предгорье. Не считая Дальнезападного края. Здесь люди живут, вообще? Много людей? Тысячи? Миллионы?!

Ха, а это даже интересно.

Дом творчества отменить. И мне плевать, но новую вывеску вы мне повесите завтра. Или я вас расстреляю. Как? Запросто. Мне король одной заморской страны автомат подарил. Он мне много чего подарил, орденов даже с десятков отсыпал, но вот автомат оказался самой полезной штукой. Вы не слышали? Мне даже в стране строгих законов разрешили десяток рабочих расстрелять. Да-да, побежали, побежали. Работать!

Ах, вы, мелкие кровососы! Жульё чиновничье! Да я знаю, что с вами сделаю! Я тирану пожалуюсь! А-а, испугались? Я вам покажу, что такое настоящая деспотия. У меня такая школа в этом деле...

Ты кто? Гу-бер-на-тор? Врёшь. Не врёшь? Ну-ка, быстро подписался здесь. И здесь. И вот тут тоже. Свободен!

А ты что за чудо в пальто? Чё там мекаешь? Ме-ме. Ах, ты мэр? Какой из тебя, к чертям, мэр? Мэры – это в городе той самой башни, большом сити или столице яблок. И всех трёх я видела, как тебя. Ты, есейкин лапоть, не мэр, ты – главный чирей Лупупянска. Завтра мне забор починишь вокруг театра. Ларьки снесешь. И дорогу заасфальтируешь. А мне плевать! Или ты сам решаешь проблемы с Гиви. Или ты присылаешь Гиви ко мне, и я решаю с ним все проблемы. Но тогда ты мэром уже не будешь. Мы с Гиви своего мэра выберем. А тебя мы, пожалуй, расстреляем. Усёк? Давай, побежал, побежал. Работать!

Так, паноптикум дохлых лебедей, слушайте меня внимательно. Репетиции проводятся каждый день. Каждый, понимаете? Танцевать это древнее величие мы не будем. Потому что нормально мы это станцевать не сможем. Даже если я буду за всех лебедей крутить все фуэте. А я не люблю фуэте, и вообще этот восковой балет-музей осточертел мне ещё в школе. Танцевать мы будем современный балет на музыку того самого композитора. Да, это конъюнктура. Да, это потворство простым как деревянная лавка вкусам. Зато тот самый композитор сам сделает для меня аранжировку. Приедет на премьеру. О нас напишут все приличные газеты мира. И вы поймёте, что такое публика. Побежали, побежали. Работать!

Ты чё ревёшь, дура? Ножку потянула? Ты же балерина, обычное дело, что ныть-то? У тебя это впервые? Ну, это как с сексом. Сначала немножко больно, а потом втянешься, и тебе понравится. А это наш главный балерун? А ты меня от сцены оторвать сможешь? Нет, даже и не пытайся. Так и быть, введём для тебя роль волшебного гнома. О! А ты кто? Вчера из училища выпал? И не уехал, потому что мама больная, сестру кормить надо, а на переезд денег нет. Это отлично. Да, во всех смыслах. Познакомьтесь, это наша новая звезда. На тебе денег, звезда, ешь хорошо и отправляйся тренироваться. Через месяц ты должен будешь поймать ме-

ня в полёте. И если ты этого не сделаешь... да, правильно, (молодцы, усвоили уже) я тебя расстреляю.

Всем работать!

Спасибо, Шут, на добром слове. Хоть ты, старый друг, меня поддержал. Да, это безумство. Я знаю. Но меня затянуло в это с головой. А тебе я подкину пару идейек. И рекомендаций. Два цирковых фестиваля. Конкурс жонглёров. И ты можешь пообщаться с директором цирка страны гранатовых деревьев.

Знаешь, Чародей, я у тебя никогда ничего не просила. Ни денег, ни помощи – вообще ничего. Отдала всю себя на блюдечке с голубой каёмочкой, и ничегошеньки взамен не попросила. Пару ласковых слов, да и тех не дождалась. Но теперь ты профинансируешь мой театр. И мой фестиваль. Или я осрамлю тебя на весь белый свет. Как бескультурного деспота, зверски тиранящего мировую звезду и один из лучших театров мира. (А кто попробует сказать, что мой театр – не один из лучших в мире, вообще получит в морду. Пяткой. У меня классная растяжка.)

Многоуважаемый тиран!

Театральный коллектив, балетная группа, хор и оркестр Лупупянского Драматического Музыкального Театра имени Великого Деятеля Искусств под эгидой Международной Ас-

социации Оперного и Балетного Искусства, просит у Вас содействия в проведении Фестиваля Народного Искусства Лупупянщины. Фестиваль, приуроченный к пятисотлетию открытия Лупупянского Источника Волшебной Воды, предполагается провести в будущем году, в течении двух недель. На текущий момент желание участвовать в Фестивале уже выразили народные коллективы семи стран, в том числе фольклорная группа страны летающих коров, ансамбль песни из страны желтых песков и другие. Содействие в организации и проведении Фестиваля намерены оказать Институт Этнографии этой страны и Национальная Ассоциация Изучения Культуры этой страны. Просим Вас как патриота и как заинтересованного в популяризации нашего народного искусства гражданина и лидера этой страны быть почётным гостем нашего Фестиваля и взять его под своё личное покровительство.

От имени коллектива мировая звезда.

Чародей... Ты приехал? Сюда? На неделю?! Прямо не верится... Ты выглядишь таким усталым. Что случилось? У тебя нет денег на мой театр? И тем более на фестиваль? Придётся отложить эту затею. Хотя бы на год. Ладно, что поделать. Буду тиранить местные власти. Они тебе жалуются?! На меня?! Всех расстреляю завтра же. Ладно, я поняла. Мне нельзя быть такой тиранкой. Или кто-нибудь расстреляет уже меня. Я слишком много хочу. Я слишком много

на себя взяла. Мне лучше вернуться в столицу и поставить что-нибудь обычное в театре имени тирана...

Это почётное предложение. Но я откажусь. Лупупянск теперь – моё все. Я справлюсь и без твоих денег. Да нет, я не пытаюсь бросить тебе вызов. Это было бы глупо. Но, понимаешь, это жизнь бросила мне вызов. Эти писаки с чужих бульваров, которые смеются над моими идеями. Эти умники-театралы с заокеанских авеню, которые полагают, будто в этой дыре невозможно найти человека, танцующего в такт музыке. Я могу уехать не то, что в театр имени тебя. Я хоть завтра могу выйти на лучшие сцены мира. Но я пытаюсь что-то вернуть этой стране. Я отсюда, понимаешь?

Ты думаешь, что танцульки – это несерьезно. Что это мельтешение стрекозок над муравейником, где делаются действительно серьёзные вещи. Спасибо, что был так честен. И так «высоко» оценил мою работу...

Ты строишь автомобильный завод. И самолётный. Ты бахнул всё, что мог, в создание нескольких научно-исследовательских институтов. Физика, химия и биология – краеугольные камни естествознания. Ты учредил специальную премию для математиков. Я понимаю, правда. Да честно. Ну неужели ты думаешь, я действительно такая дура? Это ты дурак. Дети, которые вчера увидели первый в своей жизни действительно волшебный спектакль, важны не меньше твоих листов металла и электростанций.

Давай не будем спорить и обижать друг друга. Обними ме-

ня.

Шут! Шуточка! Шутеечка! Я тебя расцелую! Точно? Всё будет?! Уже в будущем году? Не будем откладывать? Можно рассылать приглашения? Ур-ра! Как Чародей это устроил? Государственная тайна? Да и плевать. А я как знала, припасла тебе маленький подарочек. Билет на посещение концерта циркачей в доме того самого филантропа из страны портрета с загадочной улыбкой. Я молодец? Немедленно поставь меня на место! Вот глупыш.

Я выиграла два конкурса, я поставила два спектакля, я станцевала шесть сложнейших партий с безумной хореографией. Я вывела на международный уровень двух балерин и одного танцовщика. Я записала несколько дисков с уникальными записями народных песен, и они завоевали несколько престижных наград. Я помогла двум молодым композиторам пробиться в число тех счастливиц, чьи произведения имеют успех на разных сценах мира. Я провела международный фестиваль, ставший откровением во всех смыслах. Ошеломлённые отклики и восторженные рецензии были опубликованы по всему миру. Выступать в Лупупянске теперь престижно и модно, и сюда рвутся с гастрольями те, кто ещё недавно поднимал меня на смех.

Но в театре, который я привыкла называть своим, для меня больше нет места.

Я их всех затравила, у меня диктаторские замашки, я ограничиваю их творческую свободу, я препятствую постановке классического репертуара, для которого рождена одна юная «лебядь». Я достала чиновников, я замучила всех просьбами дать ещё денег.

Я безработная звезда. Опять. Смешно.

Может, эти курочки, которые всего на пару-тройку лет меня младше, правы? Я мегера? Потому что у меня нет личной жизни? Но ведь я потому и звезда, что не спешу в середине дня разогревать супчик лежащему на диване ненаглядному лентяю. Поэтому я и успеваю ставить по два спектакля, что мне не надо думать, как проворнее поднести ему тапочки. Я ни с кем не сплю? Да мне некогда.

Пересекаюсь я со своим ненаглядным, и вовсе даже не лентяем, достаточно редко и на короткое время. Тратить это время на то, чтобы вместе спать – роскошь, которую мы не можем себе позволить. Мы обнимаемся, целуемся, мы занимаемся сексом, мы спорим о пустяках и болтаем о разных важных идеях. Но встречи эти мучительны для меня, потому что они всегда непредсказуемы, внезапны и происходят по воле самого Чародея. Прилетев как-то на праздники в столицу, я рискнула явиться во дворец. Я знала, что тиран в городе, и что, скорее всего, он во дворце. Но диктатор оказался очень занят своими важными государственными делами и не смог уделить мне время. Я перестала навязываться.

Особенно невыносимо мне с ним расставаться. Расставаться, не зная, когда будет следующая встреча, да и будет ли она вообще.

И я знаю, что в принципе не могу подносить тапочки. Однажды я уже пробовала. И сбежала. Теперь тапочки Чародею подносят другие. На прошлой неделе приехала очередная невеста. Княжна. Аж восемь царственных домов в одной юной и невинной красотке. Это четвёртая его невеста? Или уже пятая? Сколько их вообще в мире, невест этих недоделанных... Женился бы уже, что ли. Сил нет видеть репортажи, как он очередную пассию встречает у самолета. Красивый такой, загадочный, с кристаллом чёрным на цепочке. Нет, я не ревную. Это бессмысленно. Мне просто грустно.

Привет, Шут. Как ты? Вот и молодчина. Спасибо, но мне неловко. Нет, не перехваливай меня. Что я здесь делаю? Разве не понятно? Работу ищу. Тут вакансии есть. Тан-цов-щи-цы. Вон, на листке у стойки написано. Нет, я не надираюсь. Ну да, водка. Не будь таким вульгарным. Мне надо немного расслабиться. Слушай, ну я ведь не из железа. Я из титана? А это что? Металл? Правда? А я думала, что бог. Почему нельзя было отдельные слова придумать? Я не пьяная!

Давай, за металл? За завод Чародея! Чин-чин.

Чародей тоже пьян в стельку? Эк мы синхронно. Я могу ему помочь? Это чем же? Я не смогу подружить его с недоугой царских кровей. То, что я лицо благотворительного

фонда – вовсе не показатель моего миролюбия. Я эту царственную малолетку укокошу. Я отгрызу её хорошенький носик. Она уехала? Потому что он оскорбил её? Сорвал платье и грязно домогался? Счастливица...

Не трогай мой стакан! Набежал тоже мне на халявку.

Чародей грустит? Да-а, я знаю. Жемчужное ожерелье для роковой табачницы. Бриллианты для спящей красавицы. Сапфиры для весёлой бакалейщицы. Грустный-грустный такой. Дорогие подстилки? Ха-ха. Ты, друг, только что выдал мне самое последнее место в рейтинге подстилок. Мне вот никаких коле от тирана что-то не обломилось. Фестиваль? Театр? Консерватория? Балетная школа? Это, Шут, называется инвестиции в культурный сектор. Это не для меня. Это для государства.

К тому же ты представь. Вот театр. Вот я. И куда я с ним? На шляпку нацеплю? Давай, за культурный сектор? За инвестиции Чародея! Вась-вась.

Я не ценю то, что Чародей для меня делает? Ути-пути, бедненький Чародейчик.

Шут, я ценю всё, что он делает. У меня слов не найдется свои чувства выразить. Но... Я видела его последний раз месяц назад. И за это наше последнее свидание Чародей сказал мне ровно шестнадцать слов. Я посчитала. Ценю я, не ценю – ему плевать.

Давай не будем, а? Выпьем за реформы Чародея! Ик.

А ещё выпьем... Слушай, я только ещё одну выпью. По-

следнюю. Точно. Совсем последнюю. И убери от меня руки!
Да отпусти же! Я не пьяная!

Не пья-на-я я!

О-о-ой. Мамочки. О-о-ой. Помогите. О-о-ой. Я умираю.
Водка? Последняя? Буду. Вливай.

Ты кто? Чародей? Не, не похож. Что это за заросли на морде? Борода? Чудно.

Запиши: Шута расстрелять. Зачем он меня сюда привёз? Чтобы ты меня затиранил? Пока я в отключке? Это нечестно. Оттирань меня ещё раз. По-настоящему. Ты меня совсем не тиранил? Почему?

Куда ты меня тащишь? А-а-а-а-а!

Дддурак! Дддебил! Дддеспот! Холоддно же. Водда леддяная.

Обббними меня.

Не умеешь ты, Чародейчик, рыбу ловить. Бе-бе-бе! Я больше поймала! Ну и что, что маленькие карасики? Зато целое ведро. Смотри, я его сейчас опрокину, и они по палубе прыгать забавно так будут, убегая. А у тебя что? Коряга и кусок протектора. Хи-хи, рыболов тоже мне. Ой, я тоже, пожалуй, за карасиками побежала. За борт. А-а, человек за бортом!

А это что? Мясо такое? Тушёное? Вкусно, но я столь-

ко не съем. Вообще нет, съем. Это вода? Водка?! Да ладно дразниться. Десерт? Сливочные пирожные? Нет, я пирожные не ем. Надо попробовать? Тогда я твоё тоже съем. Пожалую потом, но слопаю. Ты меня на убой откармливаешь? А что не так с моей фигурой? Как это её нет?! Да я тебе такую фигуру покажу! Покажу, покажу. Обещаю.

О-ой, не буди меня. Да, один маленький поцелуй – пожалуйста. Да, ещё один. Иди уже читать свои кодексы. Нет, я не буду махать ногами. Нет, ни сейчас, ни вечером. Дай посплю, а? Что? Нет, земля не сошла с орбиты. Ты хотел посмотреть, как я танцую? На полянке? Какой странный, однако, сон. Ну ещё полчаса, а? Я потом тебе станцую. Такой будет балет...

Тебе надо уехать. Знаю. Можно, я останусь пока здесь? Я хочу немного отдохнуть от этой безумной гонки. Посидеть, на озеро полюбоваться. И клянусь, я не буду трогать твой катер.

Полянка, когда-то вытоптанная моими ножками, заросла новой зелёной травой. И я валяюсь на этой травке, объедаясь пирожными. Я лежу в шезлонге, лениво потягивая сок из высокого бокала через соломинку. Озеро кажется тихим, но я знаю, что в его глубине таится доисторическая рыба-монстр. Она там, на дне, только мы никогда её не увидим.

Мне присваивают престижную премию личности года

по версии толстого и важного журнала. Я захожу в десятку самых красивых женщин мира по версии легкомысленного мужского журнала. Тот самый ехидный ведущий посвящает мне и моему фестивалю цикл передач.

Круг замыкается. Я сижу на берегу озера и жду Чародея.

4

Каникулы – вещь захватывающая и приятная. Но наступит время возвращаться к работе. Я снова прима театра имени тирана. И меня подхватывает поток новых идей и мыслей.

Три выпускника консерватории восстанавливают старую симфонию лучшего композитора этой страны, некогда погибшего от голода. Симфонию играет на великолепном концерте большой филармонический оркестр этой страны, она выпускается на дисках, оркестр проводит с ней турне по пяти очень цивилизованным странам.

Симфония в специальной аранжировке становится балетным шоу. С привкусом национального колорита. Я танцую в нём всего один и очень простой танец. Трюки и головокружение больше не нужны. Мне хочется выплеснуть в зал энергетику спокойной мощи времени. Древние легенды оживают на сцене и сменяются новыми, будущее вырастает из настоящего, а рыба-монстр всё плавает и плавает в глубине озера.

Рецензии неоднозначные, но мне на них плевать. Куда важнее, что в городе начинается активная и жёсткая спеку-

ляция билетами на представления.

На ту же музыку ставит свой спортивный номер юная пара фигуристов. Я помогаю им в хореографии – к недоумению некоторых коллег, считающих, что я размениваюсь на ерунду. Но юные звезды выигрывают бронзовые медали чемпионата мира, и это сногшибательный прорыв туда, где на нас привыкли смотреть, как на необходимый балласт для придания чемпионату значимости.

Я работаю. Я танцую. Я живу.

Что это было? Прощание? Ворон, я понимаю, что у тебя свои представления о нашем мире, но, знаешь, прощаясь, люди обычно обнимают друг друга, плачут, обещают писать и передавать приветы. Хлопнуть меня по плечу и небрежно бросить «пока» недостаточно для дружеского расставания.

Ты не будешь писать? И приветов мне не дожидаться? Ладно, я понимаю, ты отправляешься в преисподнюю по очень важным змеиным делам. А сумасшедших принцесс опять мне спасать придётся?

Нет, увы, синеглазка не спаслась. Наоборот, совсем заблудилась.

Мне одеваться потеплее? И не плакать по пустякам? Воронушка, я справлюсь. Это ты не ленись себе готовить, и, пожалуйста, води себя поосторожнее с мужчинами. Возвращайся быстрее.

Надолго? В герцогство?! Бакенбарды и вельветовый берет

снова превратят тебя в виконта... Нет, ты не можешь. Почему опять ты? Почему Шут не пошлёт Аргуса?

Я буду скучать. И волноваться.

Привет, синеглазка! Шикарная причёска. Меня завидки берут. Ты сама накрутила такое? Гламурно. Как твои успехи с тем эскизом? Забросила? Ну и правильно. Начни другой. А вышивку доделала? Тоже нет. Ничего, может, однажды ты к ней вернёшься. Песню тоже не дописала? И платье не дошила? Ты слишком критична к своей работе. Та девочка делает всё лучше? А ты не сравнивайся с девочкой. Сравнивайся со мной. Я тебе сейчас покажу, какая из меня чудесная рисовальщица. Точка, точка, два крючочка...

Шут вчера приезжал? Ты не знаешь, как себя с ним вести? Как хочешь, так и веди себя. Тебе неловко, что ты не помнишь многого из того, о чём он рассказывает? Знаешь, синеглазка, может, всего этого и не было. Он придумал замечательную сказку и прожил с ней много лет. Теперь ему самому сложно вспомнить, что было, а что придумано.

Ты должна его любить? Нет. Ты была влюблена в него когда-то давно. Но на твою долю выпали нелегкие испытания. Ты была уверена, что он погиб. Старые чувства остались в прошлом. Новые? Если их нет, значит, нет.

Гвоздей в обуви я давно не находила. В театре меня своеобразно, но любят. И никто не называет меня актриской дик-

татора. (Посмели бы только!) Но, размышляя честно сама с собой, я вынуждена признать, что по сути в старом раскладе ничего не изменилось. Машина с тонированными стеклами встречает меня у театра или возле дома. Охрана ведёт меня во дворец. Я что-нибудь читаю или смотрю, пишу или придумываю, пока Чародей возится со своими кодексами или орёт на чиновников. Я стараюсь ему не мешать. Мы мало разговариваем и неторопливо, лениво занимаемся сексом. С кроватями во дворце по-прежнему кризис, но зато там появился шикарный большой диван. Вдвоём лежать на нём неудобно, но мы всё равно лежим, обнявшись. Потом я уезжаю.

Синеглазка! Где ты? Я привезла тебе букет василёчков. Смотри, какие красивые. О! Какая ты... неожиданная. Откуда ты взяла помаду? Украла у бабушки с первого этажа. Ясно.

Ты хочешь домой? Оля-ля. А домой – это куда? В ту келью монастыря? Нет? И хорошо, что нет. В замок? Ты хочешь вернуться в герцогство? Милая девочка... как бы это объяснить-то...

У тебя теперь все мысли на месте. Что бы ни произошло, теперь ты не будешь кричать, метаться и бросаться на стены. Ты не будешь пытаться покончить с собой. Ты сильная девочка. Ты готова вернуться домой. Ты хочешь обнять любимую мамочку. Ты хочешь увидеть дорогого брата. Они –

твоя семья, и наверняка обрадуются тому, какой умницей ты стала.

С этими принцессами всегда такой сюр? Мы её выходили, откормили, сознание на место кое-как прикрутили, а она мечтает вернуться к тем людям, что заперли её в монастыре и свели с ума?

Ты хочешь домой. В свой настоящий дом, в свою родную семью.

Я поняла, Василёчек, поняла. Не надо кусать мои руки.

Я начинаю преподавать в балетной школе. И вывожу свою группу на главную сцену страны, внимательно наблюдая, как опрокидываются в обмороки критики. Не так давно моё второе место на небольшом региональном конкурсе было невероятным взлётом. А вот моим ученикам уже не надо отвоевывать место под солнцем. Но мой вопль «Работать!» быстро излечивает их от любых проявлений звёздной болезни.

Я нарушаю неписанное правило разделения танца на высокое искусство и нечто вульгарно-площадное. Я провожу телевизионный конкурс среди самостоятельных танцевальных коллективов и собираю фантастическую, феноменальную по возможностям группу эстрадного балета. Я придумаю и ставлю танцевальное сопровождение большого попсового концерта. От и до. И мои ребята зажигают так, что критикам уже некуда опрокидываться. Они застывают парализованными.

Эй, синие глазки? Принцесса, привет! Подними голову! Вот и молодец. Так намного лучше. Ну, выкладывай, чем тебя так мощно накрыло? Ты хочешь красивое платье. И драгоценности. Ты хочешь на бал. И ты не хочешь видеть Шута.

Ты любила красивого парня, который мечтал сделать тебя счастливой. И он надеялся, что сможет прожить сломанную жизнь второй раз. Но река времени разнесла вас слишком далеко друг от друга.

Если ли у него новые чувства? Есть, милая, есть.

Только теперь я уверена, что не к тебе.

Чароде-е-ей! А посмотри на меня? Пам-пам-пам! Я здесь-е-е-сь!

Я не достаю тебя. Я не могу тебя достать в принципе. Даже со всей своей растяжкой. Между нами метра три по прямой. Нет-нет, не поворачивай голову обратно!

Я хочу произнести запрещённое слово. Да-да, то самое. Но я всё равно выговорю. Гастроли. В стране косоглазых зайцев. Я хочу молодняк показать на той большой сцене. Заодно проверю на прочность. Если уж кто хочет сделать ноги — пусть сделает сейчас. Как ты к этой идее относишься?

Глупый вопрос. Брови тирана резко сходятся к переносице. Ну? Я свободна? Или могу убираться к чертям собачьим? А вот и не угадала. Чародейчик ровно так заявляет, что никак к этой идее не относится, поскольку ничего в моих делах

не понимает. Решай, Волшебница, сама. Подозрительно это. Неясно, что именно подозревать, но меня его спокойствие задевает. Сама уже не знаю, чего хочу.

Поцеловать тебя? Да пожалуйста. Фу, колючий какой.

Я не успеваю улечься обратно на диван.

В комнату врывается Шут и выкрикивает несколько отрывистых команд, смысла которых я не понимаю. С двух шагов разбега он пробивает собой стекло огромного окна. Чародей выкидывает меня следом. Успев поджать ноги, я падаю на что-то жесткое, и еще через мгновение неведомая сила подхватывает меня и куда-то тащит. Потом я утыкаюсь носом в землю, и что-то большое накрывает меня сверху.

Я слышу только судорожные толчки собственного сердца. Потом уши различают странный гул и треск совсем рядом. Сильная рука поворачивает меня, и Шут грязной перчаткой пытается стереть листья и травинки с моего лица. На нём толстое одеяние, и до меня с опозданием доходит, что это бронежилет.

Я в порядке. И не надо мазюкать меня всей грязью мира, что ты собрал на своей лапе. Что происходит?

Большой и толстый песец отчетливо вырисовывается из клубов дыма, поднимающихся от пылающего дворца. Я ощущаю потоки вонючего тепла, которые ползут к нам подобно гигантским адским змеям. Шут вскакивает, наклоняется, и через мгновение я оказываюсь болтающейся вниз головой. У меня нормальная подготовка в разных прыжках

и поддержках, но мне требуется время, чтобы сообразить, что Шут уносит меня от дворца, попросту перекинув через плечо.

А где Чародей?

Вот он. Мой мир переворачивается правильным образом. Я на мгновение оказываюсь в крепких объятиях тирана, потом он заворачивает меня в свою рубашку. Мы стоим возле беседки в самой дальней и тёмной части парка. Здесь довольно густой лес, но зарево пожара, оставшегося сзади, создает достаточно света.

Поразительно быстро к нам собирается несколько друзей Чародея из старой команды по перевороту. И мне неудобно оказаться грязным цыпленком среди больших хищных птиц, клекочущих о чём-то своём. Чародей, Шут и ещё пятеро вооружённых мужчин отстранённо обсуждают происшествие. А меня трясёт. Нет, я пытаюсь остаться спокойной, но отдельные понятные слова, выхватываемые из беседы мужчин, этому не способствуют.

Дворец взорван. И только мимолетная случайность спасает жизнь мне и Чародею. Случайный цветочек Шута динамит его и не приходит на свидание. Шут знает, что я у Чародея, и от расстроенных собственных чувств решает подпортить жизнь нам. То есть разыграть какую-нибудь простую шутку вроде подкидывания на наше свидание живого поросёнка. Это в его стиле, но поросёнок отменяется, едва он прибывает во дворец. Чутьё экстремала не портит нам жиз-

ни. Оно их спасает.

По мнению Шута покушение было актом кого-то из гуманных защитников демократии из-за рубежа. Чародей тоже уверен в том, что покушение спланировано из-за границы. Оба упоминают врага, но не конкретизируют, кто он. И какой смысл молчать? Я тоже знаю, кто это. Герцог.

Меня отвозят в больницу. Я поцарапалась стеклами, и мне нужны перевязки, капельницы и круглосуточный медицинский уход. Мое собственное мнение в расчёт не принимается. Но утром я возвращаюсь домой и к обычной жизни.

Дни идут за днями, но ни Чародей, ни Шут не дают о себе знать. Что поделать. Важные государственные дела. Я понимаю.

Гастроли складываются неудачно. Но не потому, что мы плохо танцуем. В прессе один за другим вспыхивают скандалы. Мне припоминают все мыслимые и немыслимые грехи. Я участвую в оргиях, продаюсь богатым парням, я сделала восемь аборт, у меня три тайных ребенка. За мной обнаруживается шлейф старой истории о мафии. Я развлекаюсь с малолетними рабынями. Я избивала и задушила несовершеннолетнего мальчика. Я растлила сиамских близняшек.

Потом в дело вступает тяжёлая артиллерия. В двух странах против меня выдвинуты обвинения в финансовых махинациях. Благотворительный фонд, который я поддерживала, становится объектом нападок и резкой критики. Нецелевое

использование средств, приписки, махинации и всё подобное. Я попала под гусеницы судебного бульдозера, и он утаскивает меня в болото бесконечных разбирательств.

Я даю интервью, но не говорю о танцах. Я вынуждена взвешенно опровергать всю клевету. Но мне не верят. Смаковать подробности сальных историй куда как приятнее.

Вся моя работа по пропаганде нашей культуры и искусства перечеркивается несколькими броскими заголовками. Кому, в самом деле, интересна какая-то там культура, когда можно почитать о том, как звезда развращает сиамских близняшек?

Травля спланирована и оплачена, но от знания этого факта не легче.

После последнего представления, в котором я уже не танцую, я отправляюсь на большой государственный приём. В сопровождении неожиданно прилетевшего «с самолёта на бал» Шута. Он невпопад смеётся и веселится, но я понимаю, что его явление неспроста.

Мои отношения с Шутом журналисты рассматривают как прессинг со стороны диктатуры. Главный опричник тирании время от времени лично стреножит бойкую попрыгунью, чтобы та не чувствовала себя слишком свободной. В текущей ситуации его появление наверняка объяснят напряжённостью в стране. А раз меня надо сторожить, то, значит, у меня есть мысли свалить из тирании. И разные мыслите-

ли из всего этого сделают парадоксальный вывод, что творческие крысы первыми отплывают с корабля диктатуры, интуитивно чуя близкое его затопление. Всё это очень далеко до реалий. Но смешно.

Появление Шута на приёме не проходит незамеченным. Ещё бы. Обычно он одевается и ведёт себя достаточно неприметно. На этот раз он приводит меня в искреннее восхищение, нацепив парадную генеральскую форму с кучей бряцающих цапок на груди. Хорошо, ну до невозможности.

Несмотря на обаятельные улыбки, то, что рассказывает Шут, совсем не весело. Война с Герцогом будет. Теперь весь вопрос в том, когда конкретно.

Пряник, что, совсем ума лишился? Герцог хочет забрать талисман Чародея, чтобы обрести волшебную силу и чудодейственным заклинанием превратить герцогство в цветущую долину? Ну и причём здесь талисман? Я знаю это заклинание Чародея. Я и сама им пользуюсь, причём без всяких кристаллов. Оно простое, как звезда на ночном небе. Всего одно слово. И восклицательный знак. Работать!

Слушай, Шут, ну отдал бы Чародей ему кристалл этот. Себе бы новый вырастил. Вон, повсюду детские наборы для выращивания такой же магии продаются. Это только предлог? Чародей наладил производство и перестал покупать всё, что можно и нельзя, в герцогстве. Поэтому тиранию желательно разбомбить и привести в предыдущее состояние мракобесного коррупционизма. Это всем выгодно, и мировое сооб-

щество вздохнет спокойно.

Мировое сообщество в данном случае – это три важных пупка из сверх-держав. Один боится какого-нибудь переворота в своей закоснелой стране столетних королей и поэтому агрессивно неприязненно относится лично к Чародею. Второй недоволен, что территория, которую он считал относящейся к своим бескрайним просторам, внезапно оказалось очень независимой и удалённой, хотя граница проходит всё там же. Третий бесится из-за того, что миллиарды коррупционизма волшебным образом оказались изъяты со счетов заокеанских мегабанков.

Да и война – выгодное дело для тех, кто остается в стороне от сражений.

Опаньки. Какие люди... Значит, Шут знал, что Герцог собирается на этот приём. Эй, любитель цветочков, так мы в цирке? Нет? Мы в театре военных действий? Вот это поворот. А я в этом театре кто? Бомба? Секс-бомба? Ты, негодяй такой, не думал о карьере сутенёра? Ты им был?! Ладно врать, я не поверю.

Цветничок на продажу передрался из-за тебя, были жертвы, и принц страны садовников посадил тебя в тюрьму? Эта не та самая байка, в которой Чародей спустился к тебе из стратосферы? Ах, это случай с отравленным кактусом. И когда одна из красоток цветника победила, как она тебя убила? Утопила в бассейне с пираниями? Творческая жен-

щина.

Кого я вижу! Герцог! Да ты ли это, мой старый друг! Ты красив, как никогда. Не смейся, я почти серьёзно. Мое сердечко даже подозрительно трепыхнулось. Пара искорок того большого пожара, пожалуй, ещё жива, а?

Я непревзойденная звезда всех времён и народов. Я очаровательна и неподражаема. Я шикарна и обольстительна. Я... Наивной павой заслушавшись песен этого соловушки, я и сама не замечаю, как оказываюсь в объятиях Герцога. Ага, милый мой пряник, а твой пыл ко мне не угас. Но полегче на поворотах, ещё раз тронешь – стукну, не боясь никаких скандалов. Мне одним больше, одним меньше, хуже не будет.

Пряничек, а мне Шут страшные вещи про тебя рассказывал. Будто ты собираешься мой театр бомбить? И балетную школу? Скажи мне, скорее, что это подлый обман! Вот, Шут, ты видишь, как всё просто.

Шут переходит на язык герцогства и уверенно рассказывает что-то минут пять. Герцог покрывается пятнами и отвечает куда более эмоционально. Шут доказывает своё, Герцог нервно обрывает его, не давая договорить. Эти двое использовали меня как предлог для встречи. А встреча нужна была для очных переговоров. Ни один из них не стал бы подходить к противнику в открытую. С дипломатической встречей тоже вроде бы много проблем. А потрепаться возле моего де-

колье будет приличным со всех сторон.

Я не понимаю тонкостей. Но общую канву разговора улавливаю.

Чародей согласен отдать талисман, он согласен хоть чёрта лысого отдать, но ему нужны гарантии ненападения, и он настаивает на отводе войск герцогства от своих границ. Герцог тупо хочет кристалл без всяких гарантий. И даже пробалтывается, что когда талисмана у Чародея не будет, сам божестька захочет, чтобы Герцог раздавил тиранию.

Я чувствую закалённую временем ненависть Шута. Я вижу, как первобытная злоба прорывается сквозь аристократизм Герцога. Я кожей ощущаю гнетущую атмосферу между мужчинами и с отстраненной грустью понимаю, что здорово заблуждалась в своей наивной мысли, будто женщина может предотвратить войну.

Шут вытаскивает меня из лап Герцога. Решительным движением он притягивает меня к себе, и на этом диалог врагов заканчивается. Последняя попытка найти компромисс проваливается, как и все предыдущие. Мировые пупки могут начинать подсчитывать, сколько заработают на этой прекрасной афере с войной.

Передача принцессы из рук диктатуры в руки монархии проходит быстро и без лишних сантиментов. В неприметном углу чужой столицы с двух сторон безлюдного переулочка останавливаются автомобили. Мужчины выходят и распахивают

дверцы задних сидений.

Две курочки выпархивают из битой и грязной машины, взятой напрокат, и быстро пересекают переулок. Я крепко держу принцессу за руку, зная, что некие неожиданные порывы ей по-прежнему свойственны, несмотря на все лекарства и терапии. Усадив синеглазку в чистенькую машину, хотя и тоже прокатную, я посылаю Герцогу воздушный поцелуй и счастливую улыбку наивной идиотки. Но повернуться к нему спиной и преодолеть спокойно тот же переулок в обратную сторону, оказывается изрядным испытанием для моих нервишек. Ну не экстремалка я.

А что делать? Принцесса до обмороков боится всех людей. Шута, да и к нему самому относится крайне настороженно.

Отъехав пару кварталов, мы с Шутом бросаем машину и уходим от места встречи какими-то закоулками. Будет, о чём написать в мемуарах.

Шутеечка, ну не грусти. Выпей вина. Или чего покрепче. Ты сделал для принцессы всё, что мог. О! Да ты не грустишь. Дай, я угадаю. Ты обнаружил, что любовь нельзя законсервировать, и рад, что всё закончилось. Ну что ты, то приключение в монастыре было увлекательным. Даже Ворон не справился бы лучше меня.

Ой, нет. Ворон – лучший оборотень планеты. Смешно, что я пытаюсь сравниться с умным и хладнокровным исчадием. Мне и близко не подобраться к тому, что умеет верный

змеёныш Шута. Да и вообще, моё место – в балете.

Ах так? А твоё место – в каземате Чёрной крепости! В пустом логове одинокого опричника! Все нормальные женщины сбегают от тебя после одной ночи. А те, у кого не хватает сил убежать, заканчивают или психушкой, или попыткой покушения на тебя.

Ты мудро уберёг меня от такой судьбы?! Не искушай свою, наглец!

Прекрати. Я не злюсь. Вон, смотри, какой розанчик типа стюардесса принёс нам лимонад. Удели своё внимание ей. И хватит ржать. Вовсе я не наивная.

Утренняя пресса выходит с шикарной фотографией. Гордый красавец с аристократическим профилем. Лицом к нему улыбающийся генерал. А между двумя стильными мужиками – плясунья в открытом платье.

Встреча врагов лицом к лицу интригует обозревателей. Но тема «шерше ля фам», в которой эта самая «ля фам» конкретно известна без лишних «шерше», неожиданно выходит на первый план. Вот так потом и напишут, что вся эта война была из-за меня. А меня, между прочим, вообще никто не слушал.

5

Что бы мне нового станцевать? Вдохновение что-то придурилось. Не хватает полноты жизни. Я знаю, как именно

женщины веками решают эту проблему. Заявляют, что им такие глупости параллельны. И заводят несколько любовников, чтобы параллельно получать достаточное количество радостей и эмоций.

Мой любовник свалил в неизвестность. И ждать его не просил. То есть я вроде как свободная женщина. Оглядевшись вокруг и изучив список потенциальных кандидатов в свои любовники, я пригорюниваюсь. Нет, есть, конечно, экземпляры видные, фактурные, интересные. Но представить себя с ними в постели я не могу. Про партнёров по сцене знаешь слишком много, включая пикантные детали их предпочтений. Поклонники назойливы, и не хочется, чтобы кто-то из них начал раздавать интервью на тему того, как классно он меня поимел. Разные властные мужчины близки к Чародею, и те, кто знают о наших отношениях, сбегут ещё быстрее, чем я договорю приглашение попить кофе. А тех, кто не знает, не хочется подставлять. Есть ещё влюбленный в меня мальчик из хора, восхищающийся мной тромбон из оркестра и подобные им персонажи. Но это же всё нельзя рассматривать всерьёз?

Шут! Ты ведь мне друг? Ты можешь не рассказывать ничего Чародею, но помочь мне в одном деликатном деле? Ты не мог бы познакомить меня с кем-нибудь? Ну, как, как. Говоришь – это Волшебница, а это кто-то. У тебя ведь много друзей. Зачем? Мне кажется, у меня ограниченный круг зна-

комых. Нужны новые горизонты. Да нет никакого подвоха. Нет, не надо мне на встречу друзей Чародея. Я, во-первых, всех знаю, во-вторых, они все женаты. Нет, в принципе меня женатость не пугает, мне это всё равно, лишь бы человек был хороший. Но вдруг развитие какое пойдёт. Некрасиво получится.

Посмейся ещё. Давай. Вот за это тебя женщины и убивают.

Мне плохо? Как сказать... Вроде нет. Но да, плохо.

Ты меня развлечёшь? Нет уж... Мы поедем смотреть, чем занят Чародей? Он только истопается ногами. Он не заметит? Как это?

Мы едем за город, а потом останавливаемся практически в чистом поле. Маленькие машинки мгновенно проскальзывают по небу над нашими головами и исчезают. Потом ещё раз. И ещё. Самолётики кажутся совсем игрушечными, и только после слов Шута о том, что это истребители, я понимаю, что это мощная и сложная военная техника.

Чародей летает на такой штуке?! Правда? Вот это он сейчас летает? Вот та машинка слева – это его самолёт? Потрясающе... Почему вы мне раньше не рассказали? Во всех биографиях диктатора написано, что он военный лётчик? Ну да, но я не задумывалась...

Слушай, а как он летает, если читает в очках? У него почти идеальное зрение? Но тогда зачем... Всё дело в этом маленьком «почти». Чародей пытается уберечь глаза.

Диктатор редко практикуется в полетах, но летать любит и в свете предстоящей войны решил обрести хорошую форму. Если всё обернётся совсем плохо, у него останется шанс сесть в самолет и героически погибнуть.

Не болтай таких глупостей! И слышать такого не хочу!

Вот он. Красивая железная птичка проносится очень высоко и очень быстро.

Ты поганец всё же, Шут. Я знаю, что ты на самом деле хотел мне показать. Что другого такого чародея на этой планете нет.

Чародейчик! Я так рада! Так давно тебя не видела! Ты сам поведёшь? Вот эту рухлядь на колёсах? Это для отвода глаз. Ты маскируешься. Прикольно.

Это твой новый дом? Маленький совсем. Ты решил обойтись без прислуги? И правильно. Но стол маленький, неудобный, хочешь, я куплю тебе новый? Ну что такой суровый взгляд? Я тебе подарок с гастролей привезла. Смотри. Ка-тушка. Ты ведь такую хотел? А ещё штучки прикольные, как будто рыбки. Приманка такая. Для хищников. Тебе нравится?

Ты хмуришься. Что-то случилось? Чародей, если это плохое, скажи об этом прямо и честно. Так и будешь на меня исподлобья смотреть? Мне раздеваться? Ну... хорошо.

По привычке не задумываясь над тем, что и как происходит, я не сразу понимаю, что конкретно сейчас всё про-

исходит необычно. Я впервые оказываюсь в ситуации, когда мужчина удовлетворяет свои желания, нисколько не считаясь со мной. Он методично использует моё тело, превращая меня в подстилку, в нечто неодушевленное. Он сознательно прогоняет меня по всем тем позам и способам секса, которые позволяют ему подчеркнуть максимальный уровень собственной власти, а меня сделать покорной игрушкой. Даже то, что нам обоим нравилось, что было нашими излюбленными и весёлыми играми, оказывается теперь удовольствием для него и унижением для меня. Я беспомощна в сильных мужских руках и быстро теряюсь, не зная, что делать.

Я чувствую его раздражение и злость, но надеюсь, что этот запал поостынет. Потом понимаю, что Чародей заводится всё больше. Говорить что-либо бесполезно, пытаться сопротивляться – совсем глупо. Я подчиняюсь мужской воле. Получив первую порцию эндорфинов, он прижимает меня тяжёлой рукой к кровати, и я послушно замираю, не в силах собраться с мыслями и хоть что-то предпринять.

Через некоторое время всё повторяется. Медленнее и расчётливее. Спокойнее и невыносимей. Он не груб, он не причиняет боли, он в достаточной степени ловок и осторожен, он издевательски корректен в технике секса, но, честное слово, лучше бы он меня избил.

Я сильно ошибалась. Шестнадцать слов – это очень, очень интенсивное общение. Полежать четверть часа, обнявшись – это потолок нежности, которого можно достичь в от-

ношениях. А смешное словечко «оттиранный», которое я давно и автоматически употребляю со множеством разных смысловых оттенков, на самом деле несёт в себе угрозу.

Третья серия этого плохого кино заканчивается, едва начавшись. Мужчина стаскивает меня с кровати и ставит на ноги. Комок одежды оказывается у меня в руках. Я с этим комком оказываюсь в маленькой прихожей. Вслед мне звучит короткое, но выразительное напутствие «Убирайся!». Кое-как напялив платье и курточку, я довольно долго мучаюсь с тяжелой входной дверью, но всё же в итоге оказываюсь в темноте безлюдной улицы.

Где я? Что делать?

Я бреду дворами и переулками. Меня долго тошнит в небольшом скверике. Компания подвыпивших подростков безглаголиво обходит меня стороной, громко бросив несколько оскорблений. Мне всё равно. Я сижу на лавочке. Я лежу на другой лавочке. Я иду вдоль большого шоссе. Витрины гаснут, машин становится меньше.

Я оказываюсь дома. Не знаю как. Моя память не сохраняет последней части этого ночного путешествия. Я не могу спать. У меня дрожат руки, и я ничего не могу с этим поделать. Я залезаю в ванну и сижу под теплым душем. Я снова забираюсь под одеяло, но руки всё еще дрожат, а в голове мечутся обрывки глупых и пустых мыслей, не давая мне отключиться от мира. С рассветом я проваливаюсь в мутный и неуловимый кошмар.

Я не могу танцевать. Я доползаю до театра, но срываю репетицию. Простые движения не даются мне, я не попадаю в такт музыке, я промахиваюсь мимо партнера, и, наконец, я падаю, потеряв равновесие в элементарном, детском прыжке. Бросив попытки хоть что-то изобразить, я переодеваюсь и пишу в дирекции заявление на отпуск. Вынести чувство собственной беспомощности почти невозможно, но ещё хуже всеобщая тревога. Все переживают за меня, и от этого только хуже.

Выйдя из театра, я вдруг понимаю, что мне некуда идти. Возле дома меня может ждать та самая машина. Близких родственников у меня нет. И запасных вариантов, вроде тех, что любит приберегать на всякий случай экстремальное исчадие, тоже нет. Было бы так здорово нырнуть в тайную нору Ворона и выплакать все свои обиды и непонятки. Но исчадие сейчас где-то далеко, и его проблемы не сравнить с моими.

Напрягать друзей я не умею. У меня много друзей, и они обо мне помнят, звонят, присылают подарки. А я сама не помню ни чьих-либо дней рождения, ни имён детей, ни перипетий чужой жизни. И сколь бы ни были близки мне все эти люди, мне не с кем поделиться своими мыслями. Не скажешь же: «Ой, ребята, меня тиран не удовлетворил». Будет как в том анекдоте: «Всех удовлетворил, а тебя не удовлетворил».

Да и тиран сам по себе – тема спорная для многих. Го-

ды относительного благополучия уже стёрли воспоминания о том, как было хреново. Я знаю, как выглядит эта страна с точки зрения Чародея, Шута, их друзей. И знаю, каких усилий стоят даже маленькие победы. Но сидя на тёплой кухне, за горячим сытным ужином, под рюмашечку водки так приятно поболтать о том, что горы сворачиваются одним взмахом крылышек бабочки.

Попробуйте быть той бабочкой.

Я брожу по городу, рассматривая его в подробностях, которые раньше ускользали от моего взора. В подворотне парочка маргинальных детишек обменивается шприцами. Возле памятника солдатам группка бритоголовых пацанов орёт лозунги о торжестве орднунга. На лавочке бульвара бессильно сидит бабушка в затёртом платочке и смотрит глубоко вглубь себя. Из дорогого бутика выпархивает девчонка в шубке и ластится к лысому потному мужику в нескладном костюме. На руке девчонки блестит браслет. А я так и не научилась разбираться в крохотных камушках за безумные деньги. Что-то в них есть, наверное, но я не понимаю. Я ничего в этом мире не понимаю.

На столбе остановки болтается листок. Комната на ночь. Я звоню из автомата по номеру с листка и обретаю крышу над головой. Маленькая и чистенькая комнатка уже за пределами города вполне меня устраивает. Я вытягива-

юсь на неудобной кровати, но заснуть не могу. Я всё время возвращаюсь во вчерашний день, пытаюсь понять, что случилось.

Чародей меня наказал? За отлучку? За поездку на гастроли? Сначала отпустил, а потом злостный припадок деспотии обуял? Может, его разозлило то, что я с Герцогом встрети-лась? Но он ни к кому не ревнует меня. Он слишком в себе уверен.

И я же не тет-а-теты с Герцогом разводила? Поболтала пять минут, так ещё и при свидетелях. Там человек сто сви-детелей было. К тому же Шут вытащил меня из лап коварно-го врага, что и запечатлели фотокорреспонденты на радость широкой публике.

Я ничего не понимаю.

Утром я еду на могилу мамы. Я давно не была на кладби-ще, и не могу даже вспомнить, когда это было в последний раз. Могила заросла кустами с острыми колючками, и несо-знательные соседи, чьи близкие похоронены рядом, завали-ли кусты мусором. Почему у нас такое в порядке вещей?

Выбросив все мысли из головы, я начинаю терпеливо раз-гребать свалку. Разобравшись с мусором, я иду на малень-кий рынок рядом и покупаю рассаду. Уже в сумерках, закон-чив, наконец, уборку и посадку, я сажусь на низенький ка-мень ограждения и плачу.

Моя приятельница по пансиону недавно родила второ-

го ребёнка. Вторую девочку. Она собиралась стать певицей, у неё прекрасное сопрано и широкий диапазон голоса, но она влюбилась, вышла замуж и теперь посвящает всё свое время детским аппликациям и разучиванию стихов.

Девчонка, которая однажды едва не спихнула меня в оркестровую яму, стала мамой двойняшек. Мальчика и девочки. Она давно ушла из театра и работает в министерстве культуры малозначимым секретарём. Её муж руководит одним из заводов Чародея.

Один из моих партнеров по сцене неожиданно стал девушкой. Его ранний сын последовал примеру отца и, недолго думая, женился сразу после школы на однокласснице.

Мой фестиваль стал одной гигантской брачной конторой. Большая часть моих друзей из Лупупянска переженились, остепенились, а кое-кто успел и родителями стать. Участники фестиваля тоже образовали несколько счастливых пар.

Одна из моих учениц готовится стать мамой. В очень далекой стране северных оленей. У её доброго и спокойного мужа трое братьев, и они недавно приезжали сюда в поисках таких же замечательных жён.

Жизнь идёт. Но мимо меня.

Люди любят. Люди рожают детей. Люди живут. А я всё танцую.

И ничего счастливого не вытанцовывается.

Я снова отдаю пару купюр тётке в старом халате и снова

без сна лежу в маленькой комнатке, кажется, на самом краю мира. За стеклом пыльного окошка сияет маленькая далёкая звездочка и дарит мне неопределенную, непонятную надежду.

Неужели то, что я делаю, ничего не значит для тебя, Чародей? Я ведь пытаюсь тебе помочь. Тебе, понимаешь? Да, стране тоже. Но всё же тебе – мужчине, любовнику и другу – в первую очередь. Я выступила на всех трибунах всех ассамблей и симпозиумов. Я посол всех добрых волей и неволей на свете. Я оттиранила всё гнильё, воображающее себя деятелями культуры, в этой стране. Я сделала эту страну немного более значимой в иллюзорном и сиюминутном мире творческих фантазий.

Пусть это только танец стрекозок над муравейником, но ты не можешь не понимать, как помогает тебе это, когда ты торгуешься о нефти или обсуждаешь покупки кораблей. Ты тиран не замшелого пятна на карте, ты тиран страны с историей, с культурой, с традициями. Да, мы немного наивны в выпячивании своего Задолинского комплекса мегалитов, но он есть, и теперь все о нём знают. Это я рассказала о нём всему миру.

Я ведь многого добилась, в том числе и благодаря тебе. Я прыгнула туда, куда никто из этой страны много-много лет не прыгал. Я действительно звезда, успешный профессионал, с которым считаются в мире.

А даже и без этих звёздных регалий я всегда была тебе верной женщиной, любовницей, другом, наконец. Зачем ты так со мной?

Не понимаю.

Новая прогулка по городу приносит новые впечатления. Кого-то сбила машина. Где-то рухнул дом. Кто-то женится. Кого-то хоронят. На старой площади в центре города девчонка танцует фламенко. Босиком. Её заученные движения выглядят жалко и неуклюже. Меня тянет выйти и станцевать рядом с ней. Я люблю фламенко, я знаю, что главное в этом танце – страсть, движение души. Можно ничего и не заучивать.

Но потом я вдруг пугаюсь. Танцевать на шершавых плитках с торчащими ребрами? Босиком по всем этим плевкам и мусору? Ужас.

Денег у меня много, и я кидаю девчонке в шляпку крупную купюру.

Уже в ночных сумерках я сижу на лавочке. Возле ларька неподалеку тормозит три больших мотоцикла. Всадники из иного измерения. Двое сильных мужчин в тёмных комбинезонах. И женщина в летящем красном платье.

Высокий парень снимает чёрный шлем с рисунком хищной птицы. Самоуверенный авантюрист и бродяга. Второй стаскивает гладкий чёрный шлем без каких-либо рисунков.

Этот красавчик, весёлый и обаятельный. Девчонка снимает красный шлем. Незнакомка кажется мне хорошенькой, но потом я замечаю, что у неё белая голова. Девчонка совсем седая.

На мгновенье наши взгляды встречаются.

Она тоже плясунья. И тоже колдунья. В другом и бесконечно далёком мире эти люди разыгрывают свой спектакль. Похожий, но совсем другой. Странное прикосновение чужого разума вдруг дарит тепло. Эта неведомая всадница тоже будет танцевать, даже если останется одна на краю мира без сил и надежды, даже если будет умирать, даже если мира уже не будет. Танец – это жизнь, а жизнь – это танец. Я не одинока. Я не одинока во вселенной.

Через несколько мгновений возле ларька уже никого нет.

Надо поспать. Так и до психушки недалеко.

Я возвращаюсь домой. Бессонные ночи дают о себе знать, и, упав на кровать, я мгновенно проваливаюсь в глубокую темноту.

Ай! Ай-я-яй! Кто здесь? Шут, ну ты совсем уже. Зачем меня так пугать?

Я напугала? Да ладно, кого я могу напугать? Градоначальника Лупупянска? Этого червяка нельзя напугать, он испуганным родился. Хватит ругаться. Что за пожар?

Ты волновался, потому что не мог меня найти? А зачем искал? Думал, я покалечилась на репетиции и гордо уполз-

ла из театра, чтобы помереть в городской канаве. Или упала в расстройстве чувств в канал, чтобы мой труп опять же принесло в городскую канаву. Или попала под машину и лежу в коме. Да, правильно, в городской канаве. И откуда ты знаешь так много интересных историй про канавы эти?

Ну не ругайся, друг. Мне надо было побыть одной. Я? Поссорилась с Чародеем? Да нет. Я не ссорилась. Но, полагаю, наши отношения пришли туда, куда давно уже шли. То есть в никуда. Не ври только, а? Не хочет он ничего. Пожалуйста, я тебя очень прошу. Мне и так тошно. Ты не понимаешь? Мне ещё дня три побегать по канavam, чтобы до тебя дошло? Не лезь в это, а?

Прости, я, правда, не подумала, что кто-то будет волноваться. Мне очень неловко, что ты извёлся. Хочешь, маленькую компенсацию? Ты сказал, что начнёшь собирать свою коллекцию запонок заново, и никакие взрывы дворцов не излечат тебя от любимой мании. Смотри, я купила тебе подарок. На блошином рынке в Зюберцах. Это запонки начала прошлого века. Серебро с вставками из яшмы. Затейливые. Я знаю, что в них ничего особенного, но мне понравились.

Ага, глазки загорелись. Прямо сейчас нацепишь? Давай, помогу. Круто.

Какой врач, ты с ума сошел? Я разбила ногу? Ну, синяк на бедре, конечно, мощный. Но это ерунда.

Нет, не ерунда. Шут тащит меня в больницу, заставляет сделать рентген, сдать анализы и пройти сеанс мудрёной фи-

зиотерапии. Нога цела, я, собственно, и так это знала. Ушиб не такой, чтобы было из-за чего переживать. Но на выходе из больницы я старательно хромаю.

У ворот храма лекарств лежит облезлая псинка. На ней ошейник, и она привязана ошейником к натянутому вдоль забора тросу. Я вцепляюсь в Шута, стараясь остаться от зверя подальше. Шут шикает, собака тяжело встаёт и, прихрамывая, отходит чуть подальше, чтобы снова лечь.

Мы с Шутом смеёмся, а потом меня вдруг осеняет. До сих пор я в стремилась к светлым образам. Любовь, счастье, гармония торжествовали в моём творчестве. Но пришло время поразмышлять и над другой стороной мира. Рок торжествует над глупыми влюбленными. Судьба неотвратимо настигает тех, кто пытается убежать. Смерть забирает души. А потом кто-то невидимый едва слышно смеётся над торжественностью похорон.

Я буду танцевать одна. Без декораций, лишь в нескольких лучах света. Я выберу ту самую простую и вечную музыку. И я одену чёрное платье с прозрачной юбкой в один слой. Немного нарочитый прием, но может выглядеть сильно. Я никогда не танцевала в чёрном (за исключением одной известной птички в чёрных перьях), но теперь я вдруг понимаю, насколько чёрный может быть красив, глубок и выразителен. Цвет ночи. Цвет настоящей магии.

Моя попытка объяснить эту гениальную идею Шуту чрезвычайно его веселит. Он встречает каждое мое слово взры-

вом смеха. С учетом мрачности задумки получается цирк абсурда. Но моё подавленное настроение рассеивается.

Поеду-ка я в Лупупянск на несколько дней, пообщаюсь со своей фестивальной командой. Потом стоняю в культурную столицу, в большой императорский театр. Попробую со старым хореографом обозначить рисунок танца. А как вернусь, начну репетиции.

Да хватит истерики, Шут. Ты торопишься? Ага. Ты теперь за меня спокоен, и можешь утешить хорошенькую хризантемку, истомившуюся в душной и тесной оранжерее родительской заботы. Ты всё-таки негодяй. Но я тебя люблю. Дай, чмокну в щёку. А будешь распускать руки, я тебя укушу. Ясно?

Проблемы надо решать тиранически. И я, вернувшись в театр, провожу самую обычную нормальную репетицию. Мозги немного очухались, и все прыжки получаются так, как должны получаться. После отработки всего запланированного, я сразу на большой сцене показываю коллегам придуманный танец. Пока без костюма, с некоторыми дырками в хореографии, с паузами, в которых я объясняю саму идею, но с почти готовым финалом. Финал этот я уже вижу целиком в своей голове, и я его танцую почти набело, сильно и с взрывом эмоций.

В зале стоит тишина. Я поднимаюсь и не понимаю, почему все замерли. Потом замечаю, что одна из малышек кор-

дебалета плачет. Что случилось? Я увлеклась и пропустила апокалипсис? Театр горит? Метеорит падает? Лю-ю-юди, вы чего?

Мне не умирать? Да я и не собираюсь. Здорово получилось, да?

Ухмыляющийся Шут приносит мне новую городскую сплетню. Оказывается, я продала душу дьяволу. Обычные земные женщины так танцевать не могут. Вот это, я понимаю, слава. Шут подкидывает мне идею взять талисман силы у Чародея и одеть его на какое-нибудь значимое представление. Думаю, это весело, но опасно. Кто-нибудь из зрителей начнет стрелять серебряными пулями. Или метать с балкона осиновые колышки.

Вторая новость куда менее весёлая. Точнее, совсем невесёлая. Войска Герцога перемещаются к границе и занимают боевые позиции. Теперь все усилия диктатуры направлены на то, чтобы выстоять в войне.

Я догадываюсь, к чему клонит Шут. Он пытается оправдать Чародея в том, о чём он ничего не знает. Бедненького тиранчика самого так затиранили, что он ничего уже не соображает. И Шут предупреждает меня о том, что и он не сможет больше сутками искать меня по всему городу. Я понимаю, друг. Занимайся спокойно своими государственными делами. От меня больше не будет никаких проблем.

Костюм вышел на ура. И мою задумку уже прозвали «танцем Смерти». Суеверия обгоняют мою работу. Во время репетиций зал пустеет, пару раз я вижу испуганные глаза коллег, которые крестятся, когда видят меня в чёрном платье. Вот она, волшебная сила искусства. Слухи расходятся кругами, и я весело рассказываю паре критиков из-за рубежа, что готовлю нечто феерическое. Про умирающих одноногих собачек.

Загвоздка только в том, что я не знаю, где этот танец показать. Фестивали обычно ориентируются на более жизнеутверждающие сюжеты и танцы. Конкурсы мне неинтересны. На обычном концерте сплясать – мелковато. Придётся ещё над этим подумать.

Господин диктатор... Рада приветствовать многоуважаемого лидера этой страны возле своего скромного жилища. Цветы? Мои любимые? Э-э-э... спасибо. А никто не подскажет, физики ничего противоестественного с этой реальностью не делали?

Ты просишь прощения. Ты извиняешься за свое недостойное поведение. Ты обещаешь, что подобное впредь не повторится.

Ясно. Это не к физикам. Поганный сводник, я же просила его не лезть!

Ну-ка, господин диктатор, заткнись! И дай сюда шпаргалку! Я быстрее тебя эту сказочку Шута прочитаю. Цветы – это

явно его идея. И всё остальное тоже. Чем он тебе угрожал, что заставил это выучить и попытаться произнести? Чем-чем? Тем, что сорвёт капельницу?!

Я еду к нему! Прямо сейчас! Где твой драндулет тиранический? Отвези меня!

Я ещё и ногой, пожалуй, топну. Быстро! Сел в машину! Поехали!

Шутеечка, остолоп ты, деревянная голова. Счастливо отделался. Одна дырка в ладони. Одна в руке. Две в плече. И ещё два десятка в бронежилете. Прикрыл тиранчика, да? Герой ты мой. Дай-ка я тебя порадую. На повязку твою новые запонки приделаю. Настоящий ар-нуво. Из того самого города с той самой башней. Мне только позавчера посылка пришла.

Во! Отлично смотрятся. Господин диктатор, согласитесь, ему очень идет?

Держись, Шуточка. Я там, в коридорчике видела супер-бутончик. Такая цыпка, чистый отпад. Мы сейчас её на фронт медицинских забот о тебе пристроим. Да? Согласен? Ну и молодец. Дай, чмокну. Поправляйся.

Тут валерьянку наливают? Можно мне рюмашки две?

Что? Господин диктатор собирается лично отвезти меня домой? Не надо, господин диктатор, не утомляйте себя такими мелочами. Я доберусь сама. У вас полно государственных

дел, не отвлекайтесь на несущественные проблемы какой-то вассалки.

Ты очень сожалеешь, что не отвёз меня домой той ночью. (А всё остальное было нормально, в порядке вещей?) Ну что вы, господин диктатор, такая ерунда не стоит вашего внимания. Не беспокойтесь, я чудесно прогулялась пешком по ночному городу.

Где я была три дня? На экскурсии. В другом измерении. Как я себя чувствую? Отлично.

Что делаю? Примусы починяю. И танец новый придумала. Дьявольский.

Поехать на озеро? Как вам будет угодно, многоуважаемый господин диктатор. Ваше слово для меня – закон. Как законопослушная гражданка этой тиранической страны я готова выполнить любой ваш приказ и любое ваше указание. Я всецело в вашем распоряжении, господин диктатор. Командуйте.

Ты меня убьёшь. Хорошо. Когда и куда мне прибыть, чтобы вы, господин диктатор, могли провести процедуру расстрела? Это большая честь для гражданки и патриотки этой страны – быть расстрелянной лично диктатором. Большое спасибо, что выбрали меня.

Ой. Меня обнимут? Меня ещё и поцелуют? В глаз? Ты совсем спятил. Всё лицо обслюнявил. Фу.

Ты понимаешь, что я обижена, но хочешь всё исправить. Мы можем уехать куда-нибудь вдвоем, и ты всё мне объяс-

нишь.

Господин диктатор, нам обязательно надо будет обсудить эту вашу превосходную идею чуть позже. В настоящее время моя работа в театре, направленная на укрепление и развитие культурной сферы этой страны, является первоочередной задачей. В вашей недавней речи вы особенно подчеркнули роль театральных представлений в воспитании подрастающего поколения. Поэтому доведение моей работы до конечного результата является и важным государственным приоритетом. Вы заинтересованы в этом прежде всего как диктатор этой страны.

Чёрт со мной? Взаимно, господин диктатор. Чёрт с тобой.

Из страны развитой юстиции я получаю извещение, что суд о защите чести и достоинства мной выигран. Засунув нос в интернет, я с удивлением узнаю, что по результатам моей грандиозной войны в судах нескольких стран я получила несколько крупных сумм компенсаций, а две жёлтые газетенки прекратили свое существование – в результате расследования махинаций, лично мной разоблачённых.

Вроде бы адвокаты отговорили меня от всех подобных затей? Сказали, что это как в сточной канаве самой грязью обливаться.

Благотворительный фонд оказался чист и ангельски прозрачен в своей финансовой деятельности, а один из его злобных критиков поплатился за негативные высказывания ми-

нистерским портфелем. К моей репутации неординарной звезды добавился важный штрих – я ещё и юридически подкованная звезда, не любящая камни, закинутые в её огород. Со мной лучше не связываться.

Кто эта вторая я? И где она живет? Нельзя мне от тех компенсаций получить небольшой процент? Лучше наличными?

Изучив другие публикации, я понимаю, что отмыли не только меня, и что все эти опровержения и компенсации – результат работы одного из друзей Чародея. Министра по экологии. Тирания смывает сточные канавы вместе с грязью.

А-а-ай! Мамочки! Чародей, ну ты совсем уже того. Поставь меня на место!

Отпусти! Я никуда с тобой не поеду!! Лю-ю-юди! Помогите!

Сейчас. Помогут они. Разбегаются уже кто куда.

Диктатор вручает мне цветочек. Это уже точно без подсказок Шута. Явно сам постарался. Мокрая колючая ветка почти в мой рост. И чему ты, тиранчик, так тихо улыбаешься? Рад, что сложную задачу блестяще решил? Недетский напруг был. А жаль. Моя компания плюшевых медведей очередного братика не дождется.

Нет, я рада, что сегодня такая хорошая погода, но недавний ураган слишком уж мощные разрушения произвел. Ку-

да мы едем? К тебе. Зачем? Потому что ты идиот. Самокритично, но непонятно.

Ты купил мне подарок. Медведики! У меня для вас хорошие новости. Вашу плюшевую команду всё-таки ждет пополнение. Что?! Это не медведь? Ущипни меня, пожалуйста. Ну вот здесь, за руку. Вроде больно. Может, я случайно выпила весёлый коктейль нашего художника? Он всё твердит, что без коктейля в его творчестве мало психоделики. С коктейлем, пожалуй, даже переизбыток получается.

Ой-ой. Медведики! У меня для вас странные новости. К вам пополнение. Плюшевый поросёнок. Вот как реформу какую провести – это тиранчику равных нет по скорости и мощности соображалки, а придумать, что подарить – это сразу деление на ноль наступает.

Впрочем, и попытка выяснения отношений – полное оверфлоу.

Я своими прыжками глупой стрекозы снесла крышу господину диктатору. У него заклинило мозговые извилины, от чего шарики и ролики покатались не по своим направляющим, а в хаотичном беспорядке. И разрушение нормальной умственной деятельности привело к непредсказуемым последствиям. Вот если бы я задумалась хоть на секунду, что тиран почувствует, то ничего бы и не было.

Чародей, остановись. Я не понимаю, о чём ты говоришь. Ты пытаешься меня же обвинить в том, что ты надо мной поиздевался? Это ты тупо на мне сорвался. Без каких-либо

моих прыжков. Работа довела тебя до нестерпимого припадка деспотии, и ты выплеснул злобу на меня. Мне стало плохо, тебе — хорошо. Диктаторство отравляет твои мозги, а я тут не причем.

Я очень даже причем, потому что всё время норовлю влипнуть в бестолковые связи. А тиран не может делить свою актриску с кем-то ещё.

Да какие мои связи? Ты белены объелся? И с какой колокольни мне упало обсуждать с тобой свои связи?

Так ты интернет почитай, там всё написано. И проиллюстрировано.

Маэстро. Герцог. Плейбой.

А ты думал, я вытащу толстый адресный том с алфавитными наклейками сбоку?

Есть ещё ты. Мой первый и последний мужчина. Это всё.

Я выбираю не тех мужчин? Я готова прыгнуть в койку с первым, кто поманит пальцем?

А те отношения не были койкой. Я, вообще, с каждым из тех мужчин жила. С каждым из них я вместе спала, ела, пила, гуляла, делила радости и неудачи. С каждым я утром, днём, вечером разговаривала, обнималась, делилась впечатлениями. Может, это не было великой любовью на всю жизнь, но это были спокойные и комфортные отношения для меня и для моих любовников. Никто из них не унижал меня, не кричал на меня, не изменял мне. И с каждым я осталась в добрых отношениях.

Они все мерзавцы? Они такие, какие есть. Как и ты.

Балетмейстер резко критикует то, что я делаю? Может, ты и не поймешь, но я ему очень благодарна. Он бескорыстно тратит своё время на разбор моих полётов. И он подсказал мне несколько классных идей. Без крика об авторских правах. Мы дружим, мы переписываемся. И когда видимся, стараемся урвать часок-другой, чтобы потрепаться. Маэстро может отложить свои дела ради меня. А твои дела всегда важнее, чем я. Государство или балет, какая разница? Важен принцип.

Герцог уляпал меня дерьмом? Скажи лучше, что он чуть не убил меня тем взрывом. Но это извечная проблема. Есть Герцог-правитель, а есть Герцог-мужчина. С первым я незнакома. А второй – милый и несчастный ребёнок. Он регулярно присылает мне открытки с сердечками.

С тобой есть похожий переклин. Ты-мужчина готов носить меня на руках, но только в то время, когда тебе удобно. Мои желания, моя тоска, моё одиночество – это только моя проблема. Потому что тебе-тирану некогда быть мужчиной.

Плейбой выставляет всех своих женщин в дурном свете? Знаешь, без ложной скромности замечу, что я для плейбоя – неожиданный прыжок на тот уровень, где он крайне редко бывает. Обычно его подружки не блещут интеллектом. Нью-снимки? Да нет, это только для себя. Мы с ним друзья. Недавно он написал книгу, и я первая её прочитала. Он не стал орать, что мне ничего не понять, ему было интересно

мое мнение. А тебя моё мнение никогда не интересовало.

Моя жизнь – сплошные похождения? Вовсе нет. Я веду уединённую и ограниченную в смысле секса и чувств жизнь. И у тебя нет права хоть в чём-либо меня упрекать. Ты ведь прыгаешь в койку с первым попавшимся кордебалетом? С тёпленькой невестой, только с самолета? С молоденькой дурочкой, случайно попавшей под власть твоего обаяния? Двойной стандарт, да? Что можно тебе, тирану и мужчине, не можно мне, гражданке и женщине? Я так не считаю, так что претензии не по адресу. Это кордебалету можешь задвигать на досуге.

Да, я так думаю. У себя в голове. Ты, может быть, думаешь что-то другое. Но откуда мне это знать? Я вообще ничего о тебе не знаю.

Мне и не надо ничего знать, я должна всё чувствовать? Ты сам всегда говоришь, что мы не должны закапывать в землю труд обезьянок, научившихся говорить. Только что ты именно это и сделал. И, знаешь, в тот вечер ты очень чётко дал мне всё прочувствовать. Я три дня не могла опомниться.

Я буду попрекать тебя этим всю жизнь? Может, и буду. Почему нет?

А вот в этом нет никакой проблемы. Отвези меня домой. И поищи в кордебалете кого-нибудь поскромнее и помягче характером.

Я много о себе воображаю? Ушиблена звёздной болезнью? Развращена славой? Утомлена поклонением? А на са-

мом деле я всего лишь обычная актриска. И мои прыжки стрекозы нельзя сравнить с работой тирана.

Говорю же, это тебе в кордебалет. Там найдётся пара куручек, не ушибленных гордостью и чувством собственного достоинства.

Почему со мной так сложно? Почему я простые вещи превращаю в непроходимые горы? Зачем я такая упрямая и несносная пружинка? Ведь ты так стараешься объяснить мне всё выпавшее на мою долю счастье – быть актриской диктатора. Почему я никак не понимаю, что должна прыгать от радости? И не должна доставать тирана глупыми претензиями.

Ты – Чёрный Чародей, а я – жалкая стрекоза. Но ты знаешь решение всех наших проблем. Великий и ужасный диктатор этой страны снизойдёт до бедной плясуньи. Ты, так и быть, на мне женишься.

Ой.

Я даже не знаю, что сказать. Нет, знаю.

Пошёл ты...

Это было правильно по сути, но неправильно с точки зрения пространственной ориентации. Уйти пришлось мне. Причем тяжёлую дверь пришлось долго толкать двумя руками, а потом ещё и отскакивать, когда она резко начала закрываться. Ну а потом смысла гордо удаляться с места, где одна моя затаённая мечта вдруг реализовалась в карикатурную катастрофу, уже не было. Я убежала.

Осчастливит он меня. Чёрт с ним.

Поросёнка забыла. Жалко.

Так тошно... Прости меня. Я не хотела такого. Просто вспылила. Я знаю, глупо ждать от тебя романтической белиберды. Я понимаю, ты устал, тебя предал важный союзник, тебя грызут свои же тупые чиновники. Но и ты тоже пойми, я живой человек. Ты зло обошелся со мной, и мне нелегко это пережить. Ты думаешь, что достаточно сказать, что всё это было неправильно, чтобы всё исправить? Но это уже было. Погода часто бывает неустойчивой, и кто знает, какой тайфун принесёт на наши головы завтра? Я не хочу бояться непогоды.

Мне не нужны бумажки, кольца, глупые клятвы и формальности. Мне достаточно знать, что я что-то значу для тебя. Что я не только декоративное и удобное украшение твоей жизни, готовое прибежать по одному твоему слову. Что я важна для тебя. Что я нужна тебе.

Может, мы всё-таки попробуем поговорить спокойно?

Нет? Вообще нет? Что ж, как вам будет угодно, господин диктатор.

Я снова попадаю в капкан тирании. И на этот раз хватка сильнее, безжалостнее, и никаких надежд у меня не остаётся. Мой контракт в театре аннулирован. На моей гримерной висит табличка с чужой фамилией, мои шмотки небрежно

закиданы в старые картонные коробки. Барахло мне не нужно, и раздаю всё девчонкам. Большинство коллег в шоке, но громко сказать об этом никто не решается. Вход в телецентр мне запрещён. Мои счета заблокированы. Разбираться надо с управляющими банками, а их приёмные часы – через полгода.

Я не могу увидеть Шута в больнице. Ворон застрял в другом измерении.

Быстро и эффективно моя жизнь превращается в ничто. Всё разрушено. И выбора нет. Я улетаю.

В самолете меня осеняет. Надо вставить в мой мрачный танец коротенькое дополнение. Там, на шестом такте от финального проигрыша, я протягиваю руки к молчаливым теням впереди. Но мне надо сначала их протянуть – быстро, коротко, отчаянно, а потом заломить и держать так до предпоследнего такта. Сжатые кулаки распрямляются в растопыренные пальцы, а потом руки бессильно падают, и я начинаю умирать. Короче, одноногая собачка теряет последнюю лапку, извивается всем телом и после серии судорог издыхает. Все плачут.

6

Я показываю «Танец Смерти» на огромном благотворительном марафоне. Старый знакомый, ехидный телеведу-

щий, организует его в память своего погибшего ребенка. Люди говорят много пафосных речей о защите детей, поют грустные песни, читают стихи.

Я успеваю изрядно эмоционально накачаться картинками детей-инвалидов, мёртвых детей, раздавленных колесами детей и всего подобного, что обычно предпочитаю не знать. И когда около полуночи на тёмной сцене остается лишь несколько лучей света, я выплескиваю свою боль в мир.

Я, в общем, сомневаюсь, что даже самые большие экраны способны создать ощущение сопричастности танцу. Но атмосфера толпы делает своё дело. Стадион плачет. Минута молчания становится единым для тысяч человек скорбным вздохом.

Мое фото с заломленными руками обходит по кругу мировую прессу и на неделю-другую становится самой популярной картинкой в интернете.

Я могу выбрать любой театр мира. У дверей гостиницы стоит очередь тех, кто хочет мне что-то предложить, продать, продвинуть. Я хожу по улицам в дешёвом плаще, с замотанной головой и в тёмных очках, закрывающих половину лица. Звезда из соседнего номера передвигается по миру и вовсе в специальном одеянии, изобретённом мужчинами для постоянно искушающего их слабого пола. В этой смешной и замысловатой одежде даже для глаз оставлены не дырочки, а сеточки. Я пока до такого отчаяния не дошла, но...

Я ненавижу эту грёбаную славу!

Алло! Алло! Я не слышу! Шут? Это ты? Я так рада! Как у тебя дела? Молодец! Ты видел? Мне кажется, мрачно вышло. У меня есть вариант с другим финалом. Смешным. Как-нибудь покажу. Но, сам понимаешь, мёртвые дети – не тема для шуток. Ой, меня и так замучили уже.

Почему я не зашла? Так уж получилось. Когда вернусь? Пока не знаю. Нет, ничего не произошло. Всё хорошо. Слушай, я тут увидела то, что ты давно искал. Две запонки, но не на замочке, а как пуговики на цепочке. Золото с янтарем. Позапрошлый век. Состояние идеальное. Купить тебе? Как раз завтра аукцион будет.

А куда послать? Я раньше посылала во дворец, но теперь его нет. Отправить в крепость? Послать на мой собственный адрес. Логично. Тогда жди.

Поправляйся, тогда и поболтаем.

Герцог! Какой сюрприз! Благодарю. Твои букеты всегда нечто особенное. Как ты здесь оказался? Приехал просить совета у сильных мира сего? И что тебе сказали сильные? Что полностью тебя поддерживают. Полагаю, это хорошая новость для тебя.

Мои проблемы и приключения? Что ты имеешь в виду? Я была вынуждена бежать из тирании ночью, переодевшись в мужской костюм, нацепив на голову ермолку и приклеив бороду. Потому что Чародей угрожал мне из-за моего свобо-

домыслия. Закрученный сюжет получился. Это журналисты такое придумали? Они недооценили деспота.

Понимаешь, Герцог, он мне не угрожал. Он закрыл передо мной все двери. И я в один момент лишилась всего. Я не столько бежала, сколько пыталась выбраться куда-то, где смогу хотя бы на кусок хлеба заработать.

Попросить политического убежища? У тебя? Я подумаю. Но ты ведь собираешься воевать с тиранией? Только если не останется ничего другого. А запасы другого насколько велики? Ты ещё ведешь с тираном переговоры. Что ж, желаю удачи.

Ты не веришь в удачу. Чёрного Чародея защищает талисман. Тёмные силы окружают злого волшебника коконом неуязвимости. Пока подлый маг не расстается с кристаллом, его даже убить невозможно.

Слушай, милый, Чародей – обычный земной мужчина. Вся эта ерунда вокруг кристалла – просто сказка. И убить тирана можно, как любого другого человека на этой планете.

Я наивная дурочка? Ну и пусть.

Ты приглашаешь меня приехать в герцогство на фестиваль леса и лесных ёжиков? Когда? О-о, жаль, но у меня в текущем репертуаре нет ничего подходящего. Мой мрачный танец подойдет? Он слишком уж... пессимистичен. Ёжики – это ведь что-то весёлое? Нет? Это умирающие ёжики?!

Я нашла то, что не смогу станцевать. Одноногий умирающий ёжик? Замирает комочком иголок в смертельных кон-

вульсиях? И торжественным строем в почётном карауле проходят этикие мордатые толстые песцы...

Я буду умирать на сцене, да. В судорогах смеха.

Значит, ты, Герцог, зовёшь меня в герцогство? Ты. Меня. Вот так сам приглашаешь? И даже заявляешь, что мы могли бы возродить былое пламя?

Внутри моей головы отчётливо рисуется гигантское пламя, пожирающее маленький и скромный дворец, которому было очень далеко до тысячелетнего замка Герцога. На своей щеке я чувствую лёгкое прикосновение грубой перчатки Шута. А в ушах нестройным хором звучат вопросы разных неумных людишек насчёт того, как же это я опустилась до разврата с близнецами.

Хорошо, милый мой пряничек. Моё место – в балете. Так тому и быть. Я приеду к тебе на фестиваль.

Интересно, про меня напишут какую-нибудь толстую поэму? Вроде того, что «Её краса сподвигла в путь тысячу танков и тысячу ракет». Корабли тоже будут, но их с обеих сторон тысячи не наберется. Впрочем, и насчет тысячи танков – это я погорячилась. Жалкая я красавица. До античной легенды не дотяну.

У самолёта меня встречают охранники Герцога, и избежать маршрута «аэропорт — дворец» нет никакой возможности. Герцог первым делом дарит мне бриллиантовое кольцо. В бриллиантах я ничего не понимаю, но восхищенные вздо-

хи придворных намекают, что презент достаточно роскошен. Я немного капризничаю, но, разумеется, сдаюсь.

Чародей меня убьёт. Или Шут. Или они оба вместе. Я почему-то это очень отчётливо себе представляю. Где-нибудь на рассвете они аккуратно поставят меня к стенке, заботливо завяжут глаза косыночкой и потренируются в меткости стрельбы. Они мне однажды объяснили, почему вдвоём проще расстреливать. Не знаешь, чья пуля стала смертельной. Но в случае со мной оба без сомнений угробят меня первыми же выстрелами. И обе пули попадут в сердце.

Эй, виконт! Ау! Ты не узнаёшь меня? Да не застывай так! Ой. Ая-яй! Отпусти. И хватит ругаться.

Всё плохо, Воронушка. Всё совсем-совсем плохо. Нет, я не реву. Нет, я не расклеилась. Нет, я не сама убежала. Нет, я не могу ничего объяснить.

Ты придумашь что-нибудь?

Танцевать? Конечно, могу. Жизнь – это танец. Пока я танцую, я живу. И наоборот.

Герцог, пряничек ты мой, а зачем тебе воевать с тираном? Тебе бы с ним взять и договориться. Вас обоих королевство златовласок душит. Что ты, что тиран со златовласками этими торгуетесь за пошлины и провоз грузов по их территории. А взяли бы и построили бы дорогу вдоль общего берега. Объединились бы, от златовласок пустое место осталось бы.

У них половина оборота – ваш транзит. Откуда знаю? Да так, читала в каком-то кодексе.

А ещё у тебя помидорчики-огурчики девать некуда, а тиран степи увлажнить пытается, чтобы как раз те овощи выращивать. Ну и сбаврил бы ты ему сельхозпродукт, а он, глядишь, до тебя трубу бы бросил. Он от соседа большую газовую магистраль к себе привёл. Поменялись бы, и было бы всем счастье.

Я ничего не понимаю в политике? Конечно. Как можно понять войну из-за стекляшки? Я глупая женщина, не способная осознать всей мощи магического оружия? Разумеется. Знал бы ты, Герцог, что я с этим магическим оружием делала. Я его однажды даже потеряла... Нельзя оставлять кристалл в руках Чёрного Чародея, он должен попасть в надёжные руки представителя светлых сил? Зачем воевать-то? Ну, приехал бы, попросил тиранчика: «Чародеюшка, дай глянуть вещь». Шейхи вон приезжали, и каждый по очереди на себя талисман нацепил и так сфоткался. Гордые все уехали, одухотворенные. И тебе бы Чародей не отказал.

Надо отнять. Вот отнять и всё.

Привет, синеглазка! Я не сразу узнала тебя в этом шикарном наряде. Чем ты занимаешься сейчас? Рисуешь? Вышиваешь? А-а, готовишься к церемонии возвращения имени. Незадача какая вышла. Семейство ещё когда заявило, что ты опочила в бозе. Как они теперь воскрешение объяснят? Ни-

как? Это правильно.

Ты плохо себя чувствуешь? А-а, ты хочешь обратно в тиранию. Там тебя любили и за тобой ухаживали. А здесь темно, нет ста тридцати каналов телевидения, и никто не интересуется, о чём ты сейчас думаешь. Ты уже побилась пару раз о стену, но, видно, слабовато, не помогло.

А ты пьешь те таблетки, что тебе прописали? Здесь тебе прописали другие, но ты их не пьёшь, потому что они странные. Ты хочешь другие. Я принесу тебе другие. Идёт?

Зачем я здесь? Так... это... любоваться видами герцогства. Со смотровой площадки третьей башни открывается необыкновенный пейзаж.

Герцог, милашка моя, а почему ты так уверен в победе? У тирана небольшая армия, но тренированная. Твои синие и красные мундиры смогут против тех разноцветных береток выстоять?

Я – волнительная глупышка? Несомненно. Так на что рассчитываем, любовничек?

Опаньки. На помощь. Ты как особенно умный полководец договорился с супер-соседом. Если тиранчик очень уж разгуляется, сосед ему ракетой погрозит. Стратегической. С ядерной боеголовкой. И президент большой страны, которой до всего есть дело, обещал тебе авианосец. А куда ты его поставишь, машину эту плавающую? В бухту? Нью-нью.

Чародей, конечно, умеет быть сволочью. Но ведь даже

жалко его. Он один в поле воин против всех. Я понимаю, что цветущая тирания на этой карте мира никому не нужна, если не считать самого Чародея, Шута, их дружков, одной творческой дуры и ещё, может, три десятка человек в мире наберется. Но зачем ракетами шмалять?

Солнышко, подружка ты моя светлая, ты всё с той куколкой играешь? Ты меня помнишь? Я тоже рада. Да, я знаю, твоя девочка вернулась к тебе. Ты счастлива? Ну хоть кто-то счастлив оказался. Посидеть с тобой? Давай, посижу немного. Хочешь, я тебе ещё что-нибудь подарю? Бантик? Возьми мой. Будь умницей, малышка.

Замок Герцога – отличное место для осознания хрупкости собственного разума. Долго я в этом окружении не протяну. Тоже как-нибудь весело заплету извилины в непонятный узорчик.

Фестиваль мелькает и заканчивается быстрее, чем я успеваю опомниться. Все ёжики умирают. Я выступаю формально, без запала, и меня встречают сдержанно. Слухи о разгоре нового пламени уже распространяются, и ко мне приглядывается больше народу, чем хотелось бы.

От предложения вернуться в главный театр герцогства в качестве первой примы я отказываюсь. Моё участие в фестивале ещё можно объяснить моей глупостью и непониманием политических реалий (несколько заботливых друзей

уже попытались объяснить мне нюансы исторического момента), но работа в герцогстве однозначно будет расценена как предательство. Кто его знает, как всё сложится. От политической грязи отмыться будет посложнее, чем смыть сточные канавы с сиамскими близнецами.

Собор мухоморов ворчит и снова отлучает меня от церкви, министры шушукаются, синеглазка вытягивает губы уточкой, ну а я радостно всем улыбаюсь. Что ещё мне остаётся?

Какая классная штука. Это мне? Семейный камень? Традиционный ритуал?

О-о-ой.

Вот это вот настоящее предложение руки и сердца. Тут вот наивные девчонки пачками обмирают от зависти и восторга. Аристократ, правитель, красивый и богатый мужчина стоит передо мной на одном колене и блеет о своём счастье. Нет, о нашем взаимном счастье.

Прекрасно раннее утро. С яркого голубого неба спускается большой разноцветный шар. В крепкой корзине сидит толстый зверь с тупой мордой. Это песец. Он ко мне.

Спасибо, Шут, образчики такого твоего юмора прочно проели мне мозг.

Дорогой мой Герцог! Я самая счастливая женщина на свете!

Школа актёрского мастерства не пропала даром. В зерка-

ле я вижу свою счастливую до идиотизма физиономию и понимаю, что именно так я и должна выглядеть.

Мы с Герцогом скрепляем узы счастья известной гимнастической тренировкой, а потом он удаляется – сообщить о помолвке собору духовенства и маме. Хорошо, что маме Герцога такое сообщение будет фиолетово. Но удастся ли Герцогу убедить собор не проводить все обязательные церемонии проверки невесты? На горошине я, так и быть, посплю, но со всем остальным могут возникнуть проблемы.

Счастливая брачная тележка застревает на первом же повороте. Собор наотрез отказывает Герцогу в возможности женитьбы на такой особе, как я. Во-первых, я не тех кровей. Во-вторых, я танцовщица, то есть падшая женщина. В-третьих, кто разрешал Герцогу брать то самое кольцо из хранилища в кафедральном соборе? Он не имел права касаться семейной реликвии без высочайшего соизволения собрания старичков в платьях. Всё это Герцог рассказывает мне очень понуро и грустно. Я не без затаённой радости возвращаю ему драгоценную реликвию и предлагаю улететь на тёплые острова. Но он уходит, заявив, что будет бороться за свое счастье.

Удачи, милый!

Способ борьбы за своё счастье Герцог выбрал, прямо сказать... идиотский. Он начал войну. Тупо стоял, стоял у гра-

ниц тирании, а потом колечком помахал перед моим носом — и решился. Милый, а тебе сердечко не подсказывает, что нехорошо бомбить родину невесты? Увы, в учебниках истории схожих примеров находится предостаточно. В некоторых учебниках даже утверждается, что в былые времена невесты позитивно относились к сносу родного очага.

Герцога не заботит моё несогласие с планом впечатлить собор объявлением войны соседям. Приказ прозвучал, и военная машина начала набирать обороты. Прорвавшиеся сквозь противовоздушную оборону герцогства бомбардировщики тирании пролетели над замком через восемь часов, но замок и окрестности нападению не подверглись. Бомбёжка снёсла с карты герцогства большую сортировочную станцию и железную дорогу, соединявшую два крупных района.

Си-си-ми красочно и во всех подробностях показало кучку сложенных тел возле вздыбленных рельс и исковерканных вагонов. Тирана заклеямили как бесчеловечного монстра, завтракающего младенцами. Про то, что Герцог первым нанёс абсолютно бессмысленный удар по двум прибрежным городам, в военном смысле ничего не значащим, си-си-ми политкорректно умолчало. Хорошо, что население городов было готово к такой подлянке, и хочется надеяться, что никто из боевых еотов не пострадал...

Мои извилины в этом контрастном душе для мозгов точно заплетёт не то, что узорчиком, а целым ковром из макраме.

Самое классное в герцогстве – это кровать Герцога. Особенно, когда его в ней нет. Так приятно валяться во всех этих плюшевых подушечках. И я валяюсь день за днем, балуя себя бездельем и гоняя интернет. В наводнении собственных творческих идей я обычно не успеваю отслеживать, что делают другие. И теперь навёрстываю упущенное, просматривая балеты, постановки, шоу со всего мира.

Герцог, глазурный ты мой коржик, посмотри, какую прелесть я отрыла. Это же старинная запись одной из первых постановок о двух запутавшихся детях. Посмотри, какой накал чувств, какая страсть. Ты занят? Война? Конечно, сладкий мой, я понимаю.

Ты прорвал первую линию обороны тирании. Удушить тебя, что ли, во сне?

Герцог, чёрственькая ты моя плюшка, хочешь удивиться? Я выкопала старую постановку сказки о роковой красотке. Такая очаровательная штучка. Ты устал? Ложись, поспи, милый. Вот так, давай, я подоткну тебе одеяло. И поцелую. Конечно. Приятных снов.

Тиран удерживает вторую линию обороны. Непонятно как, но держит. Умный и хитрый план старого генерала, помешанного на сражениях, не сработал. Жаль, но для генерала это стало вызовом, и он придумал отличный способ развить первую идею в ином ключе.

Почему я не уточнила у Шута, как именно одна из его розочек готовила аконитовый чай? Мне бы рецептик пригодился. Угостить старую калошу такой вкусняшкой.

Герцог, красивый ты мой сухарик в сахаре, я нашла тот самый спектакль великого танцовщика. Такое разочарование! Да он же тюфяк! Ты тоже расстроен? Давай, я обниму тебя. Утешься, милый, забудь про невзгоды.

Собор заявил, что ты женишься на мне только через их трупы. Удачная мысль, милый: и от собора избавимся, и поженемся спокойно. Ты не готов идти по трупам? А как бомбить чужую территорию, так это тебя трупы не смущают?

Ты потерпел первое поражение. План старой калоши не удалось реализовать. Тиран зашёл сбоку твоих армий и вместо прямого, компактного, чётко организованного наступательного фронта ты получил длинную, изломанную и хаотичную линию обороны. Но через пару дней ты перегруппируешься и отрежешь от тирании большой прибрежный ломоть.

Герцог, вкусненький ты мой пирожок, а не поиграть ли нам в затерянный остров? Как будто мы на необитаемой земле? Только ты и я? Иди, обними свою голенькую пятницу. Я знаю, что сегодня суббота. Но ты ведь можешь отвлечься на пару дней? Как раз получится до пятницы.

Герцог, это ты, сувенирчик мой питательный? Ты пора-

зишься, до чего дошёл тот самый режиссёр в своём отрицании мира!

О, нет... Бравые ребята пришли. Охрана дворца. Один охранник в синей форме. Другой в красной. Прабабушка Герцога отчаянно скучала в этих хоромаш. И развлекала себя, как могла. Создавая образы лакричных человечков.

Чёрт... Лакричные человечки стаскивают меня с кровати. Я не сопротивляюсь, гадая, что происходит. Обе руки оказываются за спиной, и нечто холодное охватывает оба запястья. Наручники?

Тут, Шут, всех твоих пушистых зверей не хватит.

Меня приковывают к трубе батареи в помещении вроде заброшенной кладовки. Несколько пустых полок вдоль одной стены указывают, что это был склад доморощенной консервации. И та самая прабабушка вела учет банок, строго посматривая сквозь пенсне на лакричных человечков. Почему у меня с герцогством всё время какие-то кондитерские ассоциации?

Окошко есть, но оно высоко и изначально было предназначено не для любования видами, а для пропихивания ведра со смолой или ствола мушкеты. Я с северной стороны замка. Солнечных лучей в окошко не пробивается. Пол из каменных плит кажется холодным, но, помаявшись, я всё-таки сажусь на колени, одним плечом упираясь в стену. Рука в металлическом браслете, соединенная с холодной горизон-

тальной трубой, остаётся в подвешенном состоянии и быстро затекает. Приходится то вставать, то садиться. Отличная тренировка, однако.

Солнышко, нет, тебе нельзя сюда. Иди, играй в свою куклу. Не бойся, со мной ничего плохого не случится. Я умру? Наверное. Но тогда я превращусь в ангела и буду целовать тебя в лобик, когда ты засыпаешь. Ты собиралась на прогулку? На площадь к фонтану, где бронзовая девочка сидит на бортике у воды. Там выступают смешные арлекины. Солнышко, а хочешь подарок? Иди, возьми в спальне мою красную шляпку. Рядом с кроватью новая круглая коробочка. А внутри шляпка. Яркая такая, с большими полями. И с вуалью. Она тебе очень пойдет. Да-да, я тебе её дарю. Насовсем. Бери обновку и беги, гуляй. Повеселись, малышка, поиграй у фонтана подольше.

В свете текущих знаний о будущем даже не знаю, что тебе пожелать. Пусть твой безумный мир останется таким же безмятежным.

А вот мой мир приехал в точку неопределённости. Окошко темнеет, и часики явно отсчитывают конец дня. Про меня что, все забыли? Как насчёт выполнения конвенций, предполагающих гуманное отношение к пленникам? И к пленникам в особенности. Нет? Не дождусь? Ну и чёрт с вами.

Доброе утро, несчастная жертва герцогского произвола. Не выпалась? Было бы странно, если бы тебе это удалось. Горло пересохло? Меньше надо было лужу делать. Руку браслетом стёрла? Ерунда, вытерпишь. Всего через пару столетий труба проржавеет и рассыплется в труху под тяжестью повисшего на ней скелетика. Мои истлевшие косточки сложатся аккуратной кучкой, и спустя ещё эн столетий порадуют археологов. Косточки аккуратно пронумеруют и будут показывать в музее с надписью вроде «загадочная леди из тех таинственных камней». Я прославлюсь на весь мир. Снова.

Шутки шутками, а голова кружится. Сколько времени прошло?

Говорят, древние воины в схожих случаях отгрызали себе конечности и делали ноги. Хоть и калеками, зато живыми. Синеглазка, наверное, смогла бы. Ей ничего не стоит тяпнуть себя до крови и отъеденных лоскутов кожи. Попробовать, что ли? О-ой, нет. Придётся подохнуть в целости.

Наконец! Ко мне гости. Точнее, конечно, хозяева. И кладовки, и положения.

Герцог, дорогой мой, что ты за затейник. Спаси уже скорей свою несчастную пленницу. Она истомилась в страшном застенке. Спаси меня и получи достойную награду, о, мой герой!

Теперь чуть повести плечом, встряхнуться и выгнуться, вроде как в полупоклоне. Интересно, я достаточно есте-

ственно улыбаюсь, будто ничего не понимаю? Может, всё ещё не так плохо, как я уже решила? Может, Герцог отвлечётся ненадолго на мои прелести, а я пока подумаю, что делать?

А это ещё кто? Гляди-ка, сморчки пожаловали. Четыре штуки. И все в цветных платьях.

Я всё поняла. Прабабушка Герцога не была затейницей. Она спятила жить в таком окружении. Здесь у всех женщин корёжится психика.

Герцога держат лакричные человечки. Наручников на нём нет, но бравые ребята крепко под локти в него вцепились. Ты правитель, Герцог, или кто? Эта смешная армия тебе подчиняется или сморчкам? И что стоять бледным облаком, глаза от меня прятать? Топнул бы ногой, рявкнул построже, в морду лакрице двинул, и бледнеть не надо было бы.

Интересно, а что правителю инкриминируют? Соучастие в моих преступлениях? Смешно выйдет. Мировые пупки обхохочутся. Опрокинутся в своих креслицах и будут дрыгать ножками.

Кстати, а что там с моими преступлениями? Мне какие сказки плести?

Что-что?

Я не поняла. Можно повторить? А ещё?

Нет, до меня никак не дойдет.

Я не пьяна. Не курила. Тут воздух вредный такой?

В чём-чём меня обвиняют?

В колдовстве. В занятиях чёрной магией.

Бывает же. А колдуний быют? О-о-ой... И ещё как...

Побили меня не сильно. В солнечное сплетение двинули разочек. И потом сверху по спине. Это чтобы я не сопротивлялась цветной лакрице. А я бы и не стала. Куда мне против них? Лакрица переводит меня по узкому и заброшенному коридору в небольшой зал. Это совсем старая часть замка, тут редко кто бывает, но для суда надо мной это как раз подходящее помещение.

Судить меня будет собор старых мухоморов в цветных халатиках. Не в полном составе, только самые умудрённые в области магии деятели. Сколько же их всего, если этих умудрённых собрался десяток?

Я виновна, конечно, изначально. Я околдовала бедного Герцога. И брачная афёра – это ещё полбеды. С моей подачи он начал вкладывать в головы детей смердов мысли о равных шансах для всех. Я внедрила в его слабенький умишко идею о том, что женщины могут думать. Надо же такое придумать! Ду-мать!

Я научила невинного Герцога недостойному поведению. Оказывается, собрание престарелых червяков проверяет и то, что монарх делает в постели. И даже не просто проверяет, а выдаёт настоятельные рекомендации о правильности поз. Как странен мир.

Я сделала попытку захватить герцогство, обманом втёршись в доверие доброго Герцога. Было бы что захватывать. Нет, замуж бы я, конечно, вышла. Но потом развернулась бы во всей тиранической красе... Чародей на любой мир согласился бы. А я бы согласилась на его последнее предложение герцогству. Легко. Война всё равно дороже. Раз в десять. Так что воевать мы перестали бы в один день.

А потом мы могли бы вместе начать осваивать прибрежный район. Там получилась бы отличная курортная зона. Но сейчас там беда с транспортом и дорогами. Да ещё и граница. А мы построили бы шоссе, визы отменили бы. И почти на границе, в голубой бухте провели бы фестиваль рока. Ночной. С гигантской сценой в воде. С лазерным шоу. С большими экранами. Огни, море, музыка орёт, мои ребята танцуют. Я танцую. Молодняк вибрирует на берегу. Класс. И никакой войны.

Смешно ещё представить себе шоу международных переговоров. Я с одной стороны, Чародей с другой. Герцогиня и диктатор. И наплевать на дипломатию, я бы ему обязательно ехидную физиономию скорчила. «Бе-бе-бе» обидное. Может, он бы и пожалел, что выкинул меня из своей жизни. И из моей собственной жизни тоже.

Хотя что ему, тирану, мои сопли? Сидит, небось, в кабинете своём, кодексы строчит. И очки наверняка забыл.

В каждом сумасшествии есть своя логика. У суда есть на-

дѣжный свидетель обвинения.

Дьявол в моём образе неоднократно являлся ему, а значит, я дала дьяволу согласие на использование своего образа, то есть я состою в договорных отношениях с адской сущностью, что указывает на мои занятия колдовством. А ещё я открыто заявляла, что мои танцы являются дьявольскими. И неоднократно признавалась, что училась запрещённой магии у Чёрного Чародея. Более того, я сама пользовалась талисманом тёмных сил и знаю все его тайны.

Ты, синеглазка, не принимаешь и те таблетки, что я принесла тебе. У тебя новое красивое платье, тяжёлое ожерелье на шее, но я вижу следы зубов на твоих маленьких ручках. Ты снова их грызёшь. Мучительный рассвет лишь на короткое время разбудил солнце твоего разума. Тьма отчаяния и страха уже накрывает его густой и неподвластной твоей воле пленой. И дело не в том, что тебя разлучили с любимым, и не в монастыре, где и здоровый спятит. Ты изначально, генетически, от рождения несла в себе это семейное проклятие.

А ты можешь объяснить, почему это дьявол обязательно должен спросить моего согласия на то, чтобы являться в моём образе? Вдруг дьявол без спроса нацепил мою светлую личину?

Самозащита подсудимых в условности происходящего не входит. Смешно.

Прежде, чем спецы по магии выберут мне казнь, они должны провести испытание, а действительно ли я колдунья. Кодекс у них на эту тему сохранился. Несколько сотен лет пролежал в библиотеке и пригодился. Деспот-то, оказывается, прав. Библиотеки – зло. Жечь надо эти собрания маразмов. Мозги здоровее будут. Сам тиранчик вот очень мудро все колдовские кодексы сжёг. В рабочем порядке. На заднем дворе. Чёрный Чародей, может себе позволить.

Давно проверенные способы вроде «утонула – не ведьма» спецы отвергли, как дурно себя зарекомендовавшие. Вроде бы кому-то из ведьм удалось отвертеться, вернуться с того света и будоражить неокрепшие умы добропорядочных почитателей древних текстов смущающими мыслишками типа: «А не вздернуть ли нам разных пастырей на деревьях?». Для меня совет сморчков в дурацких шапочках выберет самое надёжное испытание. Жаль, но уговорить этот цвет цивилизации на инъекцию или расстрел не получится. Им до трясушки хочется увидеть, как я буду мучиться.

Испытание железом? Ладно, что делать, умру некрасиво. А-а, нет. Если я буду любезна с тем большим дядькой, которому бы очень подошёл колпак с прорезями для глаз, то он, так и быть, даст мне волшебный порошок забвения. Ничего я не понимаю в мужиках. И на что я ему сдалась? Меня уже парализовало. Не-не-не, уродец, порошок вперёд.

Половина хорошей пытки – приготовления к ней. Меня прицепляют двумя парами наручников к батарее уже в зале и разрешают во всех подробностях рассмотреть, что к чему. Довольный палач прямо-таки с энтузиазмом объясняет тонкости своей работы. Если сморчки рассчитывали меня напугать, то просчитались. Я напугана, это без сомнений. Но я знаю, чего ждать, а неизвестность хуже даже самого плохого знания. Похоже, мой последний танец будет не слишком красив, зато очень... конвульсивен.

Я совсем не из титана. Боль выкидывает за грань сознания сразу. Но этот запах... он остается даже там, за пределом понимания мира. И когда ведро холодной воды обрушивается на тебя болью, вытаскивая в реальный мир, ты машинально думаешь, что дезодорант, наверное, не поможет. Смешно.

Я только что расписалась в своей принадлежности к самым inferнальным мирам. В движении моих губ сморчки рассмотрели улыбку. Я – родная дочка дьявола. (И почему мама не рассказывала мне столь интригующих подробностей о сбежавшем еще до моего рождения папашке?) Я – приспешница сатаны. Я – исчадие ада.

Как там Чародей делал? Бу-бу-бу! Что? Испугались? А то. Я совсем не исчадие. А если бы исчадие было здесь... я бы попросила, чтобы оно меня убило. По старой дружбе. Ворону недолго, я знаю. Быстрее, чем мне прокрутить фуэте.

Нет, нельзя думать о Вороне... Уходи, Воронушка. Уле-

тай высоко в чистое небо. Раскрой тёмные крылья и спаси тиранию. Ты всегда её спасаешь.

О! Мужчина лежит. Герцог? Он бледен, и у него запрокинута голова. Его тоже пытаются? Правитель тоже мне. Так ему и надо.

Нет. Герцога не пытаются. Он упал в обморок. Слабак.

Меня оттаскивают обратно в кладовку. Ноги меня не держат, и лакированные туфли волокут меня, как бесформенный кулек с костями, мышцами и физиологическими жидкостями. Меня бьёт крупная дрожь, и я не сразу вникаю в то, что противным сюсюкающим голосом излагает мой очухавшийся женишок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.